9(С)1-
8Р1 + 9(С29)
Б 52
Р1
Н/х 354, Шкаф I, полка 1-9
8Р1
2444.

А. Л. Бертье-Делагардъ.

ПАМЯТЬ О ПУШКИНѢ

ВЪ ГУРЗУФѢ.

Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники»,
вып. XVII — XVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1913.

45(2=Р)5
К83.31

А. Л. Бертье-Делагардъ.

92
Б-52
Ар1

ПАМЯТЬ О ПУШКИНѢ

ВЪ ГУРЗУФѢ.

9444.

Отдѣльный оттискъ изъ изданія «Пушкинъ и его современники»,
вып. XVII — XVIII.

БИБЛІОТЕКА
6680

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1913.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Октябрь 1913 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Память о Пушкинѣ въ Гурзуфѣ.

Велѣніемъ судьбы величайшій русскій поэтъ, неожиданно для самого себя, попалъ на Южный берегъ Крыма, въ Гурзуфъ. Онъ пробылъ тамъ всего три недѣли, но считалъ это время счастливѣйшими минутами своей жизни. Его мечта вновь увидѣть полуденный берегъ не сбылась, но онъ его никогда не забывалъ, часто вспоминая въ пламенныхъ строфахъ. Расцвѣтъ молодости, упоеніе любви, обаяніе самаго края содѣйствовали восхищенію поэта, осыпавшаго русскую жемчужину брильянтами своего вдохновенія, болѣе цѣнными, чѣмъ сама жемчужина: разныя мѣропріятія на пользу края, старанія властей, усилія его жителей менѣе дали Южному берегу Крыма, чѣмъ поэзія Пушкина. Послѣ нея, какъ бы низко ни цѣнить этотъ край, но все же по слову поэта онъ сталъ и навсегда останется

Волшебный край, очей отрада...

Какъ ни мало мы склонны помнить нашихъ великихъ людей и быть имъ благодарными, но все же вдохновенныя строфы поэта не прошли безслѣдно на Южномъ берегу. Въ Гурзуфѣ показываютъ домъ одного владѣльца, а въ немъ комнату Пушкина; въ паркѣ имѣнія — его кипарисъ и платанъ; подальше его именемъ зовутъ скалу и пещеру на берегу моря. Въ мѣру поэта все это, конечно, ничтожно; самый Гурзуфъ слѣдовало бы звать Пушкинымъ, а бывшему владѣльцу имѣнія (Губонину), усердно возобновлявшему и отстраивавшему его на новый ладъ, всего прямѣе было бы воздвигнуть памятникъ поэту; да и въ Ялтѣ, столицѣ Южнаго берега, это давно должное дѣло.

Все это такъ, но когда я оглядываюсь на свою далекую молодость и на Гурзуфъ того времени, всего болѣе любимый и чаще посѣщаемый мною на Южномъ берегу Крыма, то не могу припомнить, чтобы тамъ произносилось имя Пушкина въ связи съ чѣмъ бы то ни было, а обожалъ его я и тогда, плывя противъ теченія, въ которомъ столпы литературы оцѣнивали поэта дешевле пары сапогъ. Впервые я былъ въ Гурзуфѣ въ 1861 г., потомъ—въ концѣ 1860-хъ годовъ, но эти посѣщенія случайны и коротки, да въ то время большой молодости я могъ и не обратить на это вниманія. Во вторую половину 1870-хъ годовъ бывалъ я тамъ каждогодно, не разъ и по долгу засиживался, гулялъ, осматривая все, часто пользовался, подъ самымъ платаномъ Пушкина, еще державшимся барскимъ гостепріимствомъ, оказываемымъ рѣдкимъ посѣтителямъ, но и тогда не помню намека на Пушкина. Въ 1874 году мнѣ пришлось, идя на пароходѣ отъ Ялты до Севастополя, бесѣдовать съ тогдашнимъ владѣльцемъ Гурзуфа И. И. Фундуклеемъ. Говорили всего болѣе именно о Гурзуфѣ же; въ него старикъ-хозяинъ и самъ былъ влюбленъ, а потому охотно пояснялъ и выставлялъ всѣ его прелести и выгоды, прошлыя и настоящія; говорилъ о его первыхъ владѣльцахъ Ришелье и Воронцовѣ, конечно, не преминулъ бы назвать и Пушкина, лично ему знакомаго,—но о немъ не было и помина[1]. Возможно ли, чтобы

---

1) Тогда еще свѣжи были разсказы о желаніи Государя Александра II пріобрѣсти Гурзуфъ для свадебнаго подарка Вел. Кн. Маріи Александровнѣ, вышедшей замужъ за герцога Эдинбургскаго въ 1874 году; это и было поводомъ къ длинной и оживленной бесѣдѣ. Фундуклей подтвердилъ справедливость слуховъ и очень живо разсказалъ о своемъ представленіи Государю въ Ливадіи, при чемъ вмѣсто назначенія цѣны имѣнію, чего пожелалъ Государь, высказалъ, что онъ богатъ и одинокъ, а племянницы, его наслѣдницы, не терпятъ Гурзуфа, и что онъ будетъ осчастливленъ, если Государь соизволитъ милостиво принять это имѣніе въ даръ, но продать его не можетъ. Государь смѣялся, благодарилъ Фундуклея, но на такомъ условіи не принялъ Гурзуфа. Онъ искренно обидѣлся, когда кто то изъ пароходныхъ спутниковъ намекнулъ, что не было ли все это съ его стороны просто искуснымъ ходомъ для избѣжанія прямого отказа Государю. Съ забавнымъ остроуміемъ разсказывая о нелюбви къ Гурзуфу своихъ племянницъ, Фундуклей особенно старался показать неосновательность этого и потому всячески выставлялъ всѣ хорошія стороны имѣнія. Самъ онъ, увѣряя,

отсутствіе памяти о поэтѣ въ Гурзуфѣ въ моихъ воспоминаніяхъ было слѣдствіемъ только моей забывчивости или случайности? Не думаю. Какъ бы то ни было, но мнѣ показалось стоющимъ постараться опредѣлить, что въ теперешнихъ наименованіяхъ въ Гурзуфѣ, связанныхъ съ именемъ Пушкина, сохранилось отъ его времени, а что составляетъ новѣйшее, благодарное приношеніе его памяти. Мнѣ думалось, что при этомъ возможно будетъ открыть какія-либо черты обстановки изъ жизни Пушкина въ Гурзуфѣ или изъ его поѣздки по Крыму, а ничто не можетъ быть слишкомъ мелкимъ въ познаніи величайшаго сына Русской земли. Такого рода изслѣдованіе и представляется здѣсь.

Для намѣченной цѣли въ нашемъ распоряженіи имѣется весь кругъ старыхъ путешествій, воспоминаній, изслѣдованій, путеводителей; къ нему и обратимся.

Завоеваніе Крыма ввело эту страну въ обиходъ ученыхъ и путешественниковъ. Ихъ работы начались еще при Екатеринѣ (Габлицъ, Палласъ и др.), продолжались и послѣ (Кларкъ, Сумароковъ, Рёльи, Парротъ и т. д.). Это теченіе, пріостановленное войнами Наполеона, по ихъ окончаніи вновь усиливается, на этотъ разъ съ цѣлями не только учеными, но и политическими—узнанія и возможнаго обезсиленія возвысившейся Россіи. Оно примѣтно развилось со времени генералъ-губернаторства графа Воронцова. Его извѣстность въ Европѣ, особенно у англичанъ, громадное личное состояніе и такія же затраты именно въ Крыму, всемѣрныя старанія привлечь вниманіе къ Южному берегу Крыма и населить его имѣли большое значеніе. Многое было сдѣлано, еще болѣе и разносторонне писано; почти все это

что никогда не рѣшится продать Гурзуфъ и даже о томъ не думалъ, все же цѣнилъ его не менѣе милліона. Послѣ его смерти, въ августѣ 1880 года, наслѣдницы поспѣшили продать имѣніе во что бы ни стало, — и въ маѣ 1881 г. его купилъ П. І. Губонинъ, всего за двѣсти пятьдесятъ тысячъ, при чемъ, по разсказамъ, тамъ оказалось движимаго имущества—вина, серебра и проч.—болѣе, чѣмъ на сто тысячъ.

свидѣтельствуетъ и по настоящему вопросу. Давно собирая литературу, прикосновенную съ Крымомъ, тщательно пересмотрѣлъ я всѣ показанія, — думаю, ничего не пропустивъ. Прежде всего представлю говоренное до Крымской войны, — сначала иностранное, а потомъ русское, разумѣется писанное послѣ пребыванія Пушкина въ Гурзуфѣ.

Изобиліе иностранцевъ, посвятившихъ свой трудъ Крыму,— гораздо большее, чѣмъ можно было ожидать; не указывая писавшихъ о Крымѣ, но молчащихъ почему бы то ни было о Гурзуфѣ, находимъ работы (въ скобкахъ — годъ пребыванія въ Крыму): Гендерсона (1822)[1]; Ляйэля (1822)[2]; Джонса (1823)[3]; Іегера (1825)[4]; Вебстера (1827)[5]; Бруннера (1831)[6]; Бэра (1832)[7]; Дюбуа (1833)[8]; марш. Мармона (1834)[9]; Сентъ-Совёра (1836)[10]; Олифанта (1852)[11]. Конечно, иностранцы не могли понимать, даже знать имя Пушкина, но они были въ Гурзуфѣ, а многіе изъ нихъ останавливались тамъ; описывали нерѣдко всякіе пустяки; упоминали имена владѣльцевъ, даже управляющихъ или проводниковъ; приводили разныя сказки и побасенки: могли бы разсказать что-либо и о Пушкинѣ. Подробно излагать сказанное ими вокругъ Гурзуфа нѣтъ надобности; довольно замѣтить, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ и малѣйшаго намека на память тамъ о поэтѣ.

Къ русскимъ авторамъ того же времени приписаны польскіе, лифляндскій нѣмецъ и даже первый путеводитель, писанный французомъ, потому что всѣ они имѣли возможность быть

---

1) Henderson, Biblical researches and travels in Russia, London. 1826, 362.
2) Lyall, Travels in Russia, Crimea etc., London. 1825, I, 326.
3) Jones, Travels in... Russia etc., London. 1827, II, 279.
4) Jäger, Reise v. St.-Petersb. in die Krim, Leipzig. 1830, 59.
5) Webster, Travels through the Crimea etc., London. 1830, I, 64.
6) Brunner, Ausflug über Constantinopel nach Taurien, St. Gallen. 1833, 215.
7) Behr, Meine Reise durch Schlesien... der Krimm, Leipzig. 1834, I, 207.
8) Dubois de Montpéreux, Voyage autour du Caucase etc., Paris. 1843, VI, 36.
9) M-le duc de Raguse, Voyage... en Crimée, Paris, 1837. I, 309.
10) St. Sauveur, Excursion en Crimée, Paris, 1837. 11.
11) Oliphant, The Russian shores of the Black sea, London. 1853, 236.

вполнѣ освѣдомленными о всемъ. Вотъ списокъ всѣхъ, также опуская не бывшихъ въ Гурзуфѣ: Муравьевъ-Апостолъ (1820)[1]; Туманскій (1824)[2]; Олизаръ (1824)[3]; Щербининъ (1825)[4]; Грибоѣдовъ (1825)[5]; Свиньинъ (1825)[6]; Качковскій (1825)[7]; Андрей Муравьевъ (1825)[8]; Монтандонъ (1833)[9]; Корфъ (1834)[10]; Сафоновъ (1837)[11]; Юрьевичъ (1837)[12]; П-я П-ъ (1837)[13]; Демидовъ (1837)[14]; (А + В) К (1838)[15]; Нѣсколько словъ о Крымѣ (1840)[16]; Бартеневъ (1843)[17]; Хоецкій (1844)[18]; Сементовскій (1847)[19]; Домбровскій (1850)[20]; Новосельскій (1853)[21]; Вильпёвъ (1853)[22]; Оедоровъ (1855)[23]; Петцольдъ (1855)[24]. О всѣхъ, безъ исключенія, должно сказать

---

1) М. Муравьевъ-Апостолъ, Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г., С.-Пб. 1823, 153.

2) В. Туманскій, Стихотворенія и письма, С.-Пб. 1912, 264—5.

3) Olizar, Pamiętniki, Lwow, 1892, 170.

4) М. Щербининъ, Воспоминанія — «Русск. Арх.» 1892, № 11, 286.

5) Смирновъ, Черновыя тетради Грибоѣдова, ст. 2 — «Русск. Слово» 1858, V, 23.

6) П. Свиньинъ, Знакомства и встрѣчи на южномъ берегу Тавриды — «Отеч. Зап.» 1825, № 66, 125.

7) Kaczkowski, Dziennik podróży do Krymu, Warsz., 1829, IV, 57.

8) А. Муравьевъ, Таврида, стихотв., Москва, 1827, 56.

9) Montandon, Guide du Voyageur en Crimée, Odessa, 1834, 136.

10) Корфъ, Пребываніе въ Крыму — «Сынъ Отеч.» 1834, № 4, 254.

11) С. Сафоновъ, Описаніе пребыванія Императорской фамиліи въ Крыму. Одесса, 1840, 35.

12) С. Юрьевичъ, Дорожныя письма — «Русскій Архивъ» 1887, № 6, 188.

13) П-я И-ъ, Прогулки по Крыму — «Библ. для Чт.» 1837, т. 24, 73.

14) Demidoff, Voyage dans la Russie mérid., Paris, 1840, 577.

15) (А + В)К., Очеркъ южнаго берега Крыма — «Одесскій Альманахъ» на 1839, 274.

16) Нѣсколько словъ о Крымѣ — «Сынъ Отеч.» 1840 г., т. VI, ноябрь — дек., 465; тоже «Маякъ» 1840, № 10, 123.

17) Бартеневъ, Жизнь въ Крыму — «Русск. Арх.» 1899, № 8, 576.

18) Chojecki, Wspomnienia z podróży po Krymie, Warsch., 1845, 261.

19) Сементовскій, Путешественникъ (Южн. берегъ Крыма), С.-Пб. 1847, 47.

20) Домбровскій, Обозрѣніе южнаго берега Крыма — «Новороссійскій Календарь» на 1851 г., 19.

21) Nowosielski, Stepy, morze u góry, Wilno, 1854, II, 247.

22) De Villeneuve, Album de la Tauride, Paris, 1853, 22.

23) Оедоровъ, Крымъ съ Севастополемъ и проч., С.-Пб., 1855, 297.

24) Petzhold, Reise im westlichen und südlichen europ. Russland, Leipzig, 1864, S. 299.

то же, что и выше: ни у кого нѣтъ самомалѣйшаго указанія на какую-либо память о Пушкинѣ въ Гурзуфѣ. Положимъ, иностранцы не знали, не любопытствовали, но допустимо ли такъ же думать о своихъ? Для нѣкоторыхъ возможно еще предположить, что это—писатели офиціальные и имъ Пушкинъ могъ казаться, какъ бы отреченнымъ[1]), но я попрошу обратить вниманіе на приведенныя имена и остановлюсь на нѣкоторыхъ.

М. И. Муравьевъ-Апостолъ былъ въ Гурзуфѣ черезъ мѣсяцъ послѣ Раевскихъ и Пушкина, жилъ тамъ и далъ самое подробное описаніе дома; допустимъ, что для него Пушкинъ былъ тогда просто лишь многообѣщающимъ юношей, но вѣдь тамъ же жили Раевскіе, съ которыми онъ только что встрѣчался у А. М. Бороздина (см. далѣе); объ этой встрѣчѣ Муравьевъ упоминаетъ, и можно было бы ожидать, что онъ, останавливаясь въ Гурзуфѣ въ томъ же домѣ, гдѣ только что жили Раевскіе, вновь о нихъ вспомнитъ.

В. И. Туманскій—пріятель Пушкина, близкій съ нимъ по Одессѣ, конечно знавшій о немъ все, прикосновенное къ Воронцову. И онъ, и графъ Олизаръ, пушкинскій крестникъ по стихамъ и знакомецъ, какъ гости Воронцова, прожили долго въ Гурзуфѣ, лѣтомъ 1824 года, именно въ томъ же единственномъ домѣ, гдѣ жилъ и Пушкинъ съ Раевскими. Съ ними долженъ былъ быть и Пушкинъ, о чемъ писалъ князю П. А. Вяземскому[2]), но вмѣсто

---

1) С. С. Уваровъ, напр., не допускалъ возможности сношеній служащихъ съ людьми столь вреднаго образа мыслей, какъ Пушкинъ («Русск. Стар.» 1880, т. 28, 538).

2) Письмо 20-го декабря 1823 года: «Что если бы ты заѣхалъ къ намъ на Югъ нынче весной. Мы бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа женщинъ и мущинъ». Поѣздка, о которой здѣсь говорится, положившая начало многимъ подобнымъ-же въ слѣдующіе годы, образовалась по такому поводу. Въ маѣ 1823 года Воронцовъ былъ назначенъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, но уже и нѣсколько ранѣе (съ 1821 г.) онъ началъ скупать земли въ Крыму, особенно на Южномъ берегу, тогда совершенно пустынномъ, безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ герцога Ришелье, перваго обратившаго вниманіе на этотъ край и цѣнившаго его выше французской Ривьеры.

поѣздки въ Крымъ у него возникла распря съ Воронцовымъ, и до сихъ поръ столь мало и плохо освѣщенная, почти не понятная; во время ея Пушкинъ написалъ эпиграмму, превосходящую все писанное въ такомъ же родѣ, тѣмъ болѣе жестокую, что каждое

Въ концѣ 1822 года Воронцовъ купилъ имѣніе въ Гурзуфѣ, гдѣ домъ оказался почти не обитаемымъ (объ этомъ далѣе), и его пришлось перестраивать, чѣмъ и занимались въ 1823 году, но окружающимъ Воронцовыхъ заранѣе было извѣстно, что въ слѣдующемъ году тамъ будетъ праздноваться новоселье. Званыхъ было много, а между ними предполагалъ быть и Пушкинъ. Неполученіе приглашенія, на которое Пушкинъ вправѣ былъ разсчитывать, какъ постоянный посѣтитель дома Воронцова, можетъ быть, прибавило свою долю къ его раздраженію и обидѣ.

Поѣздка предполагалась съ половины мая, но болѣзнь дочери Воронцовыхъ заставила отложить ее. Вигель, приглашенный и не поѣхавшій, указываетъ отъѣздъ всѣхъ изъ Одессы въ половинѣ іюня, но изъ сравненія съ дальнѣйшими его объясненіями кажется, что это было нѣсколько позже (Записки, ч. VI, 167, 173—4). Туманскій, участникъ поѣздки, первое письмо изъ Гурзуфа писалъ 28-го іюня (Стихотвор. и письма, 264); а К. Я. Булгаковъ получилъ письмо отъ Воронцова изъ Крыма 4-го іюля, значитъ, посланное тоже около 28-го (Письма К. Булгакова—«Русск. Арх.» 1903, № 5, 63). Для этой поѣздки Грейгъ, главный командиръ Черноморскаго флота, большой пріятель и замѣститель Воронцова, далъ свою яхту «Утѣху» (командиръ Василій Ивановичъ Румянцовъ). О ихъ плаваніи и ѣздѣ до Гурзуфа разсказалъ графъ Олизаръ (Pamiętniki, 167—169), приглашенный по знакомству съ графиней Браницкой, встрѣтившейся у нея съ Воронцовыми. Отсюда хорошо видно, съ какими трудностями происходили и какъ продолжительны были тогда такія поѣздки, даже и для избраннаго общества генералъ-губернатора: изъ Одессы въ Гурзуфъ они добрались едва на десятый день. Въ Гурзуфѣ приглашенные оставались около мѣсяца (Туманскій, Стихотв., 264), а Воронцовъ пробылъ въ Крыму до половины октября (Вигель, Записки, 184, 186, 189; Письма Булгакова — «Русск. Арх.» 1903, № 5, 72). Олизаръ эту поѣздку, въ которую онъ попалъ вслѣдствіе отказа руки М. Н. Раевской и предполагаемой ея помолвки съ другимъ, относитъ къ 1823 году (Pamiętniki, 166), но это несомнѣнная ошибка. Помолвка М. Н. Раевской состоялась только осенью 1824 года (Письмо князя С. Г. Волконскаго къ Пушкину объ этомъ, отъ 18-го октября 1824 г.), а въ началѣ этого года Олизаръ былъ еще въ Кіевѣ и, хотя самъ не говоритъ, вѣроятно считался въ числѣ польскихъ депутатовъ, заключавшихъ условіе съ Южнымъ Союзомъ въ 1824 году («Былое» 1906, май, 249). Графъ Бутурлинъ встрѣчаетъ Олизара въ Одессѣ въ 1824 г. (Записки — «Русск. Арх.» 1897, № 5, 24). Свиньинъ, лѣтомъ 1825 года, пишетъ, что графъ Олизаръ пріѣхалъ провести вторую зиму въ Крыму. Наконецъ и Воронцовъ поѣхалъ въ Крымъ въ 1823 году только 17-го августа, одинъ (Лонгиновъ, Путев. письма — «Русск. Арх.» 1905, № 12, 5), да и принять гостей въ Крыму онъ тогда не могъ, по непригодности дома.

въ ней слово имѣло долю правдивости[1]). Этотъ ударъ бича, навсегда захлестнувшій Воронцова, раздался какъ разъ передъ самой поѣздкой, а когда всѣ гостили въ Гурзуфѣ, послѣдовала и высылка поэта въ Михайловское. Можно не сомнѣваться, что вслѣдствіе всего этого въ ту пору имя Пушкина было и на умѣ, и на языкѣ у всѣхъ приглашенныхъ полу-милорда. Какое же дать объясненіе тому, что при такихъ условіяхъ, въ задушевныхъ письмахъ къ сестрѣ изъ Гурзуфа (Туманскаго), въ воспоминаніяхъ о далекомъ прошломъ (Олизара), имя Пушкина само собой не пришло имъ на умъ въ томъ домѣ, гдѣ будто бы сохранялась память о немъ, обставленная легендами?

Для Олизара это даже поразительно. Безумно влюбленный

---

1) Знаменитая эпиграмма, если и не была записана, то безъ сомнѣнія была сказана Пушкинымъ и всѣми повторяема въ редакціи: «Полу-милордъ, полукупецъ», и т. д.. Послѣ нея полу-милордомъ обычно стали звать Воронцова въ письмахъ и самъ Пушкинъ (29-го ноября 1824), и его друзья (Алексѣевъ, 30-го октября 1826 г.). Лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ тому назадъ, когда память о Воронцовѣ была совсѣмъ свѣжей въ Одессѣ, я впервые слышалъ тамъ эту эпиграмму именно и только въ такой редакціи, въ городской библіотекѣ, въ обществѣ, въ офицерскихъ кругахъ. Въ иной редакціи, написанной самимъ Пушкинымъ, много позже и даже безъ какого-либо видимаго повода, въ письмѣ къ князю Вяземскому (10-го окт. 1824 г.), представляется явная попытка смягчить эпиграмму, спрятать львиные когти; цѣли эта редакція «Полу-герой, полу-невѣжда» и т. д., достигастъ: эпиграмма потеряла всю свою ѣдкость, всѣ жгучія противоположенія, осталась лишь одна брань. Понятно и побужденіе къ этому. Въ распрѣ съ Воронцовымъ не всѣ одобряли Пушкина, не только, напр., люди очень распространеннаго круга Булгакова («Русск. Арх.» 1903 г., № 5, 64—65), но и самый близкій другъ Пушкина — князь Вяземскій, еще ранѣе упрашивавшій его быть осторожнѣе (Письма, мартъ—апрѣль 1824): «Теперешняя ссылка твоя лучше всякаго мѣста». Самъ Пушкинъ, незадолго до совершеннаго разрыва съ Воронцовымъ, писалъ (Казначееву, 25-го мая и въ началѣ іюня), что дорожитъ его мнѣніемъ, не желалъ бы имѣть другого начальника, слишкомъ уважаетъ его и полагалъ, что Воронцовъ, какъ умный человѣкъ сумѣетъ именно его сдѣлать неправымъ въ общественномъ мнѣніи. Онъ не могъ не чувствовать тогда, что ударилъ больнѣе, чѣмъ слѣдовало; понятно его желаніе для Вяземскаго смягчить эпиграмму, но это не помогло. Поэтъ не могъ учесть все значеніе своего генія и ошибся дважды: общественное мнѣніе, уже и тогда мстившее Воронцову, высыпавъ на него всѣ шишки, какъ писалъ Дельвигъ (28-го сентября 1824), въ будущемъ на него же сложило всю вину, а эпиграмма, забытая въ смягченной редакціи, но общеизвѣстная въ грозной, первоначальной, обезсмертила полу-милорда.

въ М. Н. Раевскую, онъ уѣхалъ изъ Кіева; случайно попавъ въ Крымъ, прожилъ тамъ почти два года, сначала въ томъ же домѣ, гдѣ жила его Беатриче всего четыре года тому назадъ, а потомъ въ своемъ имѣніи, нарочно устроенномъ тутъ же, по сосѣдству. Онъ увѣряетъ, что купилъ землю — пустырь, поселился и обстраивался тамъ въ надеждѣ дождаться посѣщенія М. Н. Раевской, и что обязанъ ей многимъ, а также знакомствомъ съ Пушкинымъ и дружбою Мицкевича; не смотря на то, — все же никакой памяти ни Раевской ни Пушкина въ Гурзуфѣ онъ не указываетъ.

Слѣдующій, 1825 годъ былъ особенно обиленъ посѣщеніями. Грибоѣдовъ даже заинтересовался въ Гурзуфѣ и видомъ изъ дома и, тогда еще очень рѣдкими въ Крыму, кипарисами; можетъ быть онъ уже зналъ и письмо о нихъ Пушкина, хотя оно и было напечатано нѣсколькими мѣсяцами позже, но, возможно, ранѣе ходило по рукамъ. А. Н. Муравьевъ встрѣчался съ Грибоѣдовымъ тутъ же; онъ написалъ цѣлую книжку стиховъ на темы: Ялта, Аю-дагъ, Кучукъ-Ламбатъ, а въ примѣчаніяхъ къ нимъ указалъ и Гурзуфъ. Въ то же лѣто былъ тамъ и Свиньинъ, довольно много написавшій о Гурзуфѣ. Всѣ они очень прикосновенны литературѣ, къ тому же знакомцы Пушкина, но все же о немъ не обмолвились [1]).

Монтандонъ написалъ первый путеводитель по Крыму, по своему времени очень хорошій, на французскомъ языкѣ, но собранный, очевидно, Русскими. Этотъ путеводитель наполненъ всяческими подробностями и эпиграфъ къ нему подобранъ изъ «Бахчисарайскаго Фонтана» (по-русски: «Волшебный край, очей отрада»), но о памяти Пушкина гдѣ-либо — ни звука [2]).

---

1) Въ томъ же году былъ и Мицкевичъ, между 17-мъ августа и 15-мъ октября (Aër, Mickiewicz w Odessie, Warsz., 1898, стр. 35, 40), но тогда онъ не зналъ лично Пушкина, да и описанія его поѣздки, имъ же сдѣланнаго, я не знаю, а потому его и не указываю.

2) Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что авторъ поднесъ свой «Guide» Пушкину сейчасъ же по выходѣ книги, съ надписью: «à Monsieur Pouchkine l'hommage de l'auteur. Odessa 3 Avril 1834». (См. Б. Л. Модзалевскій, Библіотека А. С. Пушкина, С.-Пб. 1910, стр. 292 — 293).

Ю. Н. Бартеневъ, нѣсколько мѣсяцевъ жившій на Южномъ берегу Крыма, будучи въ Симферополѣ, выслушивалъ отъ тамошняго сторожила, доктора Ланга, длинные и невѣроятные разсказы, особенно о Пушкинѣ, который будто-бы долго жилъ въ Симферополѣ, отъ разскащика узналъ легенду о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ, по его побужденію много разъ туда ѣздилъ и тутъ же, въ Симферополѣ, писалъ эту поэму. При всемъ томъ о памяти Пушкина въ Гузуфѣ они не упомянули.

Наконецъ, уже почти передъ самой Крымской войной Домбровскій, чиновникъ-переводчикъ въ Симферополѣ, превосходно знавшій Крымъ и мѣстные языки, свѣдущій и много писавшій о Крымѣ, составилъ въ 1850 году «Обозрѣніе Южнаго берега Крыма», очень обстоятельное, изобилующее всякими мелкими свѣдѣніями,—въ томъ числѣ и о Гурзуфѣ, но о Пушкинѣ и онъ молчитъ.

Всѣ приведенные источники, иностранные и русскіе, еще разъ повторю, не даютъ ни малѣйшаго намека на существованіе какой бы то ни было памяти о Пушкинѣ, съ чѣмъ-либо связанной въ Гурзуфѣ, и даже въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ сообщеніе подобныхъ свѣдѣній само собою напрашивалось. Здѣсь возможно только одно объясненіе: ничего никто не записалъ, потому что никакой тамъ памяти и не существовало.

Прошла гроза Крымской войны; устроились и улучшились пути въ Крымъ; съ 1861 года туда стала ѣздить, почти ежегодно, Императорская семья; вліяніе Воронцова исчезло безслѣдно; самая цензура стала много менѣе привязчива, да и Пушкинъ уже не былъ ея бѣльмомъ. Посыпались въ изобиліи всяческія описанія,—особенно путеводители по Крыму. Надо замѣтить, что именно въ подобныхъ изданіяхъ и мѣсто всяческимъ разсказамъ, тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, когда все это писалось мѣстными людьми, хорошо знавшими положеніе вещей. Остановлюсь на главномъ, такъ какъ все остальное — простая компиляція, не дающая ни бо́льшаго, ни иного. Пропущу первые

путеводители офиціальнаго типа (барона Штакельберга 1858 г., Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1861 г.).

Въ 1866 году Мурзакевичъ, давно и хорошо знавшій Крымъ, тогда секретарь ученаго Общества Исторій и Древностей (позже его вице-президентъ), напечаталъ «Путеуказатель» — и даже съ эпиграфомъ изъ Пушкина[1]).

Въ слѣдующемъ году была издана въ Симферополѣ очень хорошая, обстоятельная «Памятная книжка», съ весьма подробными описаніями всѣхъ мѣстъ Южнаго берега и, конечно, Гурзуфа также[2]).

Въ томъ же году Кондараки, мѣстный житель, очень много писавшій о Крымѣ, тоже далъ родъ путеводителя[3]).

Въ 1872 году появились столь извѣстные «Очерки Крыма». Ихъ авторъ — Е. Л. Марковъ, много ѣздившій по Крыму и хорошо его знавшій; въ нихъ дано очень красивое описаніе Гурзуфа[4]).

Нѣсколько позже, въ 1875 году, были собраны Ливановымъ въ одно мѣсто описанія разныхъ крымскихъ мѣстъ, дополненныя описаніями Южнаго берега съ Гурзуфомъ[5]).

Все это силы — вполнѣ достаточныя, но ни у кого изъ нихъ нѣтъ намека на Пушкина или на память его въ Гурзуфѣ.

Немного раньше, съ 1871 года, начали издаваться столь долго державшіеся, много распространенные и послужившіе образцомъ «Путеводители» Сосногоровой (Таненбергъ, по мужу Славичъ) и Караулова, знающихъ и образованныхъ мѣстныхъ дѣятелей (послѣдній—археологъ, писавшій и по исторіи русской лите-

---

1) Мурзакевичъ, Путеуказатель Южнаго берега Крыма, Одесса. 1866, стр. 42.

2) Ханацкій, Памятная книжка Таврической губерніи, Симферополь. 1867, стр. 57.

3) Кондараки, Подробное описаніе Южнаго берега Крыма, Николаевъ. 1867, стр. 137.

4) Марковъ, Очерки Крыма, С.-Пб. 1872, стр. 366.

5) Ливановъ, Путеводитель по Крыму, Москва. 1875, стр. 19.

ратуры). Въ первомъ и слѣдующихъ двухъ изданіяхъ этого путеводителя (1871, 1874 и 1880 гг.) уже упоминается имя Пушкина; при описаніи Гурзуфа и дома владѣльца здѣсь указано, что тутъ жилъ Пушкинъ въ 1820 году, въ семействѣ генерала Раевскаго, но — ни слова болѣе.

Итакъ, и при новыхъ благопріятныхъ условіяхъ наиболѣе свѣдущіе и знающіе мѣстныя условія, въ сочиненіяхъ, именно къ тому предназначенныхъ, ни малѣйшаго указанія на сохраненіе памяти о Пушкинѣ не нашли, очевидно потому, что на мѣстѣ ничего о ней и не слышали. Сейчасъ будетъ показано, какъ были бы цѣнны для нихъ эти свѣдѣнія, потому что, при появленіи таковыхъ, всѣ они стали повторять ихъ въ точности.

Приведеннымъ достаточно доказывается полное отсутствіе воспоминаній о Пушкинѣ и связи съ чѣмъ-либо его имени на мѣстѣ, въ Гурзуфѣ. Совсѣмъ иначе къ этому отнеслись не свѣдущіе въ крымскихъ дѣлахъ, но хорошо знавшіе Пушкина, любившіе его и увлекавшіеся имъ. Они сочли невозможнымъ думать, что въ Гурзуфѣ не сохранилась память о поэтѣ, и постарались ее возсоздать отъ разума.

Въ слѣдующемъ послѣ смерти Пушкина году появилась цѣлая поэма, въ которой ведется разговоръ между демоническимъ путешественникомъ и проводникомъ, старымъ Татариномъ; послѣдній, философствуя въ высокихъ предѣлахъ знаній и чувствъ, подъ конецъ увѣряетъ, что много ѣздилъ съ необычайнымъ человѣкомъ (Пушкинымъ), забираясь съ нимъ въ горныя трущобы и къ скаламъ Аю-дага, ведя «душевную и умную бесѣду»; онъ слышалъ его импровизаціи, увлекался ими, хотя и «не понималъ»[1]). Намѣреніе автора было самое доброе, любовь къ великому поэту несомнѣнна, но идея изобразить невѣжественнаго Татарина, едва знавшаго нѣсколько словъ по-русски, философомъ, къ тому же понимающимъ поэзію Пушкина и увлекаю-

1) А. П. Подолинскій, Переѣздъ черезъ Яйлу по Южному берегу Тавриды — «Современникъ» 1838 г., № 3.

щимся ею, показалась столь удивительной, что и вся поэма не заслужила повторенiй.

Бо́льшiй успѣхъ имѣли письма Евгенiи Туръ (графини Салiасъ)[1]. Она увѣряла, что Пушкинъ будто бы провелъ цѣлое лѣто въ Гурзуфѣ, и что тамъ любой Татаринъ покажетъ кипарисъ, о которомъ онъ говорилъ. Мало того, ей даже передавали поэтическое повѣрье Татаръ: соловей пѣлъ надъ головой поэта, когда онъ сидѣлъ подъ кипарисомъ, а потомъ и безъ него, замолкнувъ лишь съ его смертью. Здѣсь тоже полудикiе Татары, между которыми тогда лишь въ видѣ рѣдкости кое-кто умѣлъ сказать нѣсколько русскихъ словъ, не только читали письмо Пушкина къ барону Дельвигу, но даже и соловья, очень сторожкую птицу, поющую въ концѣ лѣта и сидящую подлѣ дома, сумѣли изобрѣсти[2]. Какъ ни была изумительна эта выдумка Московской чувствительной дамы, но распространенiе она получила большое[3]. П. И. Бартеневъ и въ самомъ дѣлѣ повѣрилъ существованiю у мѣстныхъ Татаръ такой пѣвицы[4], а съ него и Некрасовъ повторилъ Московскую побасенку въ своей мелодраматической поэмѣ

---

1) Евг. Туръ, Крымскiя письма — «С.-Петербургскiя Вѣдомости» 1853 г., 29-го сентября, № 214, письмо 5-ое. Всѣхъ писемъ десять. Вотъ ихъ перечень, такъ какъ неточное указанiе П. И. Бартенева, а съ него и Н. А. Некрасова вовлекло моихъ друзей, которымъ приношу и извиненiе, и благодарность, въ весьма продолжительныя и безплодные розыски: 1852 года, № 254, письмо 1; № 257, письмо 2; 1853 года, № 203, письмо 3; № 209, письмо 4; № 214, письмо 5; № 234, письмо 6; № 241, письмо 7; № 255, письмо 8; № 261, письмо 9; № 266, письмо 10.

2) Еще и лѣтъ тридцать тому назадъ понимающихъ по-русски почти не находилось въ татарскихъ деревняхъ (перемѣну сдѣлала воинская повинность), а во время Пушкина, безъ особыхъ проводниковъ-переводчиковъ, никто не рѣшался ѣздить (напр., Муравьевъ-Апостолъ — см. Путешествiе по Тавридѣ въ 1820 году, стр. 124).

3) Она даже и не оригинальна. Лѣтъ за десять передъ тѣмъ то же самое было напечатано В. Пассекомъ, въ той же Москвѣ и въ очень распространенной книгѣ (Очерки Россiи, 1840, II, стр. 170); у него соловей пѣлъ во время пребыванiя Пушкина въ Бахчисараѣ, а въ обыкновенное время его тамъ будто бы не слышно. Въ дѣйствительности соловьевъ вездѣ въ горномъ Крыму очень много, но поютъ они, какъ и вездѣ, только весной.

4) Бартеневъ, Пушкинъ въ Южной Россiи—«Русск. Арх.» 1866, стр. 1118.

«Русскія женщины», получившей въ свое время громкую извѣстность и повсюду распространенной [1]). И въ дѣтскія повѣсти попала эта сказочка, дополненная и разукрашенная [2]).

Наступилъ 1880 годъ. Въ Москвѣ, 6-го іюня, открыли памятникъ Пушкину, что отразилось во многихъ мѣстахъ, а также и на Южномъ берегу Крыма. Кружокъ тогдашнихъ мѣстныхъ дѣятелей нашелъ, что это событіе должно ознаменовать чѣмъ-либо. Слова Бартенева и особенно Некрасова, увѣрявшаго что имъ не вымышлено ни одного слова, дали Ялтинцамъ и книги въ руки. Надѣлали дощечекъ съ подобающими надписями и прибили ихъ въ Гурзуфѣ; начали съ кипариса, выбравъ его подальше отъ дома, чтобы посѣтители не мѣшали хозяевамъ; если былъ кипарисъ, то почему не быть и другому дереву тѣхъ же временъ— отмѣтили и большой платанъ; поэтъ жилъ въ домѣ, значитъ въ какой-либо комнатѣ его — стали указывать и ее [3]). Въ это время княгиня Горчакова лѣчилась въ Крыму, въ Сакахъ, и, пріѣхавъ отдыхать въ Артекъ, посѣтила сосѣдній Гурзуфъ; вслѣдъ за тѣмъ она издала въ Москвѣ свои воспоминанія,— и въ нихъ впервые было напечатано о такихъ памятникахъ пребыванія Пушкина въ Гурзуфѣ [4]). Что это извѣстіе было дѣйствительно новостью для знающихъ Южный берегъ, можно судить по тому, что путеводители, нѣсколько изданій которыхъ передъ тѣмъ ничего подобнаго не знали, какъ указано выше, въ послѣдующихъ изданіяхъ немедленно же перепечатали въ точности слова княгини Горчаковой [5]). Все это упрочилось временемъ, а понемногу явились до-

---

1) Н. Некрасовъ, Русскія женщины — «Современникъ» 1873 г., № 1, стр. 231—234, примѣч. 7-е.

2) Чистяковъ, Поэтъ и соловей, Блескъ и тьма, VI.

3) Говорю по воспоминанію, но почти такъ же и у Щепетова: Гурзуфъ, Одесса. 1890, стр. 22—23, особенно 26.

4) Княгиня Е. Горчакова, Воспоминанія о Крымѣ, Москва. 1881, стр. 164 — 165.

5) Карауловъ и Сосногорова, Путеводитель по Крыму, 4-е изд., Одесса. 1883. стр. 105; Кондараки, Новый путеводитель по Крыму, Москва. 1885, стр. 130. Не указываю нѣсколькихъ болѣе мелкихъ путеводителей, поступившихъ совершенно такъ же.

полненія, поясненія и утвержденія относительно дома и разныхъ мѣстъ вокругъ Гурзуфа, столь же лишенныя какого-либо основанія, какъ и вышеупомянутыя; доискиваться и указывать авторовъ послѣднихъ излишне.

Изъ разсказаннаго видно, что единственное фактическое указаніе для воспоминаній о Пушкинѣ въ Гурзуфѣ дано имъ самимъ въ письмѣ къ Дельвигу (декабрь 1824 г.), хотя и не приложимое къ точному мѣсту: «Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ». Все остальное есть литературная амплификація, сдѣланная пріѣзжими, отразившаяся обратно въ Гурзуфъ и тамъ выдаваемая за сохраненную мѣстною памятью. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ могли сохраниться воспоминанія, къ чему-либо точно пріуроченныя, въ нежиломъ, заброшенномъ домѣ, переходившемъ изъ рукъ въ руки, какъ будетъ показано далѣе, покинутомъ на сторожей Татаръ, съ трудомъ кое что понимавшихъ по-русски. Тѣмъ болѣе это мудрено допустить для памяти о молодомъ человѣкѣ, прожившемъ всего двѣ-три недѣли и тогда не только Татарамъ но и Русскимъ очень мало извѣстномъ. Не Татаринъ, а образованный Русскій,— врачъ Рудыковскій, ѣздившій съ Раевскими, самъ разсказываетъ, что, познакомившись съ нѣкіимъ молодымъ человѣкомъ, запятымъ неумѣстнымъ дѣломъ писанія стиховъ, и услышавъ, что его зовутъ Пушкинымъ, тутъ же прибавилъ: фамилія незнакомая [1]). Ни малѣйшей памяти у тѣхъ же Татаръ не сохранилось о дѣйствительно и подолгу имъ знакомыхъ и любимыхъ владѣльцахъ, къ тому же генералъ-губернаторахъ, о великихъ князьяхъ или даже государяхъ, не разъ бывавшихъ въ этомъ домѣ. Первый владѣлецъ Гурзуфа, строитель дома, герцогъ Ришелье, пользовался рѣдкой любовью Татаръ вообще, гурзуфскихъ въ особенности. Стемпковскій увѣряетъ, что «Таврическіе Татары преданы были ему, какъ отцу; не переставали жалѣть о немъ» [2]). Положимъ, это слова любимаго адъютанта, но

1) Бартеневъ, Пушкинъ въ Южной Россіи—«Русск. Арх.» 1866, стр. 1102.

2) Стемпковскій, О трудахъ Дюка Ришелье — «Зап. Од. Общ. Ист. и Др.», т. X, стр. 401.

Муравьевъ-Апостолъ, вовсе независимый и даже не знавшій лично Ришелье, много позже его времени и именно въ Гурзуфѣ разсказываетъ: «Я не знаю человѣка, который бы оставилъ въ чужомъ краю щастливѣйшую по себѣ память. Татары съ умиленіемъ произносятъ имя Ришелье... Мы по немъ пропадаемъ, говорилъ мнѣ Гурзуфскій староста»[1]); и въ такомъ родѣ еще цѣлая страница. И вотъ даже объ этомъ крупнѣйшемъ для Гурзуфа человѣкѣ не сохранилось ни малѣйшей памяти. У народа очень часто память весьма коротка и своеобразна.

Мнѣ показалось недостаточнымъ кончить эти замѣтки простымъ отрицаніемъ; думалось, что если не прямой слѣдъ поэта, то все же хотя бы нѣкоторую внѣшнюю обстановку его времени можно возстановить; изъ разысканій въ этомъ направленіи получилось кое что, представляющее положительную сторону. Однако, для ясности, приходится начать съ высылки поэта на югъ Россіи.

Пушкинъ ѣздилъ на Кавказъ и въ Крымъ съ семьею Раевскихъ въ 1820 году. Это путешествіе и отношенія поэта къ Раевскимъ имѣли такое рѣшительное значеніе въ его жизни и творчествѣ, что выясненіе даже мелочныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ поѣздки завлекательно. Разсматривалось все это множество разъ, но и понынѣ еще многое остается въ туманѣ. Къ настоящему вопросу это относится лишь косвенно, но нѣсколько замѣчаній могутъ, какъ мнѣ кажется, посодѣйствовать уясненію этой поѣздки.

Высланный къ Инзову въ самомъ началѣ мая, Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга 6-го[2]). Въ это время Раевская, съ двумя

---

1) Муравьевъ-Апостолъ, Путешествіе по Тавридѣ, С.-Пб., стр. 123, 155.

2) Подорожная и прогоны ему выданы 5-го мая: П. Бартеневъ, Пушкинъ въ Южн. Россіи — «Русск. Арх.» 1866, стр. 1099; К. П. П., Алекс. Серг. Пушкинъ—«Русск. Стар.» 1879, № 7, стр. 388; Н. О. Лернеръ, Труды и дни Пушкина, стр. 55.

старшими дочерьми,— была въ Петербургѣ, и одна изъ послѣднихъ въ тотъ же день писала отцу, какъ обыкновенно, почтой[1]), но она же въ письмѣ къ брату отъ 8-го прибавила, что отправляетъ письмо почтой потому, что мать забыла его послать съ Пушкинымъ[2]). Изъ этихъ писемъ Ек. Ник. Раевской заключали о знакомствѣ Пушкина съ Раевскими еще въ Петербургѣ[3]), но также думали, что просто хотѣли послать письмо «съ оказіей» и ничего болѣе[4]). Кажется, что это не такъ. Въ далекой молодости и мнѣ доводилось дѣлать большіе концы, именно съ юга на сѣверъ и обратно, на почтовыхъ, служа «оказіей», да и самому пользоваться ею же. Дѣлалось это изъ желанія избѣжать волокиты казенной почты и ея непорядливости, имѣя въ виду или важность письма, или его отношеніе къ везущему; по этому самому «оказіей» бывали не кто ни попало, а знакомыя и вѣрныя руки. Если думали послать письмо съ Пушкинымъ, то это значитъ, что онъ былъ вхожъ въ домъ Раевскихъ, хотя, можетъ быть, и не считался тамъ коротко знакомымъ. Такая мысль естественна, зная его дружескія, какъ бы обязанныя отношенія къ младшему Раевскому, не бывшему тогда въ Петербургѣ; да и само построеніе реченія письма Екатерины Николаевны Раевской явно относится къ знакомому лицу; къ тому же эти слова говорятъ гораздо болѣе, чѣмъ просто о знакомствѣ. Они показываютъ, что Пушкинъ не только былъ знакомъ съ Раевскими, но и посѣтилъ ихъ передъ отъѣздомъ, такъ какъ невозможно допустить, чтобы дамы вздумали разыскивать незнакомаго имъ, спѣшно высылаемаго молодого человѣка, для передачи ему письма съ порученіемъ отвезти его тоже къ незнакомымъ людямъ. Гораздо вѣроятнѣе думать, что Пушкинъ счелъ долгомъ быть у нихъ, предложивъ свои услуги для испол-

1) М. Гершензонъ, Сѣверная любовь — «Вѣстн. Евр.» 1908, № 1, стр. 298; «Архивъ Раевскихъ», подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, стр. 577: число въ письмѣ Н. Н. Раевскаго старшаго.

2) М. Гершензонъ, Семья декабристовъ — «Былое» 1906, № 10, стр. 302.

3) И. Лобода, Пушкинъ и Раевскіе, Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. II, стр. 104.

4) М. Гершензонъ, Сѣверн. любовь — «Вѣстн. Евр.» 1908, стр. 276.

ненія порученій, если таковыя будутъ, т. е., сдѣлалъ то самое, что всѣ дѣлали, да и теперь дѣлаютъ, уѣзжая куда-либо. Затѣмъ, есть здѣсь еще одна сторона, на которую не обратили вниманія. Письмо могло быть дано только ѣдущему въ тотъ городъ, гдѣ жили тѣ, кому оно назначено, т. е., въ Кіевъ, гдѣ были остальные Раевскіе, при чемъ для передачи письма приходилось съ ними видѣться. Едва ли послѣдняго можно было требовать отъ незнакомаго человѣка, а тѣмъ болѣе заставить его свернуть въ сторону только для передачи такого письма, что въ настоящемъ случаѣ оказывалось необходимымъ.

Поѣздки на почтовыхъ, на перекладныхъ теперь забыты, но старикамъ онѣ еще очень памятны. Это было вовсе не легкое дѣло, а съ непривычки и въ большомъ количествѣ даже и прямо нестерпимое; поэтому тогда всѣ отлично знали свои пути, всячески стремясь ихъ сокращать, да и мудрое начальство—выдачей прогоновъ, а почтовыя станціи — прямыми указаніями, давали безошибочно должное направленіе. Такое для Пушкина было: Могилевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Кременчугъ, Екатеринославъ, всего 1577 верстъ[1]). Кіевъ отъ этого пути лежитъ въ сторонѣ, и чтобы въ него заѣхать, приходилось сдѣлать крюкъ болѣе полутораста верстъ. Такіе разсчеты теперь могутъ показаться пустяками, но смѣю увѣрить, что тогда ихъ таковыми не считали и, не смотря на зеленую молодость и естественную беззаботность, едва ли нашлись бы охотники тратить время и деньги, ломая себѣ бока на полуторастахъ верстахъ, для передачи письма незнакомымъ отъ незнакомыхъ; да никто и не рѣшился бы попросить о такомъ одолженіи чужого человѣка, тѣмъ болѣе, что дѣло вовсе не шло о письмѣ чрезвычайной важности: его вѣдь потомъ отправили почтой. Во всякомъ случаѣ, изъ всего этого неизбѣжный выводъ тотъ, что Пушкинъ не только зналъ Раевскихъ въ Петербургѣ, но направлялся ими или ихъ общими знакомыми въ сторону отъ

---

1) Всѣ разстоянія, здѣсь и далѣе, даны по старымъ «Дорожникамъ» и картамъ 1808, 1812 и 1824 годовъ.

прямого пути, конечно, съ какими-либо цѣлями. Позволительно думать, что таковыми и было намѣреніе, познакомивъ поэта съ самимъ Раевскимъ, отправить его съ нимъ на Кавказъ и въ Крымъ. Друзья и покровители, отведшіе отъ Пушкина бо́льшую долю административной грозы, на томъ не остановились и постарались доставить ему возможность развлечься, поѣздивъ по югу Россіи и повидавъ новыя, привлекательныя страны. Это зналъ или подозрѣвалъ и самъ Пушкинъ, которому о томъ говорилъ Карамзинъ, прощаясь [1]),— слѣдовательно, встрѣча Пушкина съ Раевскими въ Екатеринославѣ и ихъ предложеніе совмѣстной поѣздки не были простой, неожиданной случайностью. К. Я. Булгаковъ еще 7-го мая писалъ, что Пушкинъ вчера уѣхалъ въ Крымъ; да и Карамзинъ тогда же зналъ во всѣхъ подробностяхъ, что все это дѣло устроено, и также писалъ, 15-го мая, князю Вяземскому, изъ Петербурга, о томъ, что Пушкинъ благополучно поѣхалъ въ Крымъ, мѣсяцевъ на пять, и что ему дали на дорогу тысячу рублей, по тогдашнему немалую сумму [2]). Никакого нѣтъ основанія эти одинаковыя письма разныхъ лицъ толковать не въ ихъ прямомъ смыслѣ, почитая чѣмъ то общимъ, указующимъ не точное мѣсто поѣздки ими обозначаемое,— Крымъ, а лишь вообще югъ Россіи и Инзова, къ которому Пушкинъ былъ посланъ оффиціально [3]). Да и образъ дѣйствій Инзова указываетъ то же самое. Къ нему посылаютъ опальнаго чиновника, а онъ черезъ недѣлю даетъ ему отпускъ именно такой, какъ говорилъ Карамзинъ, т. е., на четыре-пять мѣсяцевъ. Правда, Инзовъ былъ добрый и хорошій человѣкъ, но все же объяснить столь необычное въ чиновничьемъ мірѣ теченіе вещей можно только даннымъ изъ Петербурга направленіемъ, на что и указываетъ письмо Карамзина, заранѣе знавшаго весь будущій ходъ дѣла. Обыкновенно говорятъ, что тогда Пушкинъ былъ посланъ въ ссылку, въ

---

1) Лернеръ, Труды и дни, стр. 55.
2) Лернеръ, Труды и дни, стр. 54, 55; Бартеневъ, Пушкинъ, стр. 11, 12.
3) Гершензонъ, Сѣверная любовь — «Вѣстн. Евр.» 1908, № 1, стр. 278.

изгнаніе; конечно, поѣздка была подневольной, но позволительно думать, что и ссылка Пушкина была совсѣмъ особаго рода.

Уже замѣчено, что ѣзда на почтовыхъ была не легкимъ дѣломъ, да и быстрота этой ѣзды, кромѣ исключительныхъ случаевъ (проѣздъ высочайшихъ особъ, фельдъегерей) была не велика, примѣняя современную мѣру. Съ выносливостью молодости, безостановочной ѣздой днемъ и ночью, хорошими «на водку» ямщикамъ, можно было проѣзжать въ среднемъ, на дальнихъ разстояніяхъ, до двухсотъ верстъ въ сутки или очень немногимъ болѣе, и то при благопріятныхъ условіяхъ сухихъ дорогъ или саннаго пути. Такая ѣзда на колесахъ и на перекладныхъ была тяжко утомительна, особенно ночью, но, останавливаясь для ночного отдыха, нельзя было разсчитывать на проѣздъ болѣе полутораста верстъ въ сутки. Говорю о временахъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, но думаю, что порядки къ этой порѣ нисколько не измѣнились съ пушкинскихъ временъ. Высланный изъ Одессы въ Михайловское въ 1824 году, Пушкинъ проѣзжаетъ около 1650 верстъ (Одесса, Николаевъ, Кременчугъ, Черниговъ, Витебскъ, Псковъ) въ теченіе одиннадцати дней (съ 30-го іюля по 9-е августа)[1], т. е., въ среднемъ дѣлаетъ около 150 верстъ въ сутки[2]). Судя по этому примѣру, нѣтъ вѣроятія полагать, что онъ же, ѣдучи впервые изъ Петербурга въ дальнюю дорогу, особенно налегалъ на быстроту и ѣхалъ

---

1) Лернеръ, Труды и дни, стр. 101—102.

2) Вигель въ 1823 году, лѣтомъ, изъ Петербурга въ Москву ѣдетъ, даже въ дилижансѣ, трое съ половиной сутокъ, т. е. по 205 верстъ; онъ же отъ Симферополя до Одессы въ экипажѣ, а не на перекладной, безостановочно, лѣтомъ, ѣдетъ болѣе двухъ съ половиной сутокъ 427 верстъ, т. е. около 160 верстъ; экстра-почта шла отъ Петербурга до Одессы (1660 верстъ) восемь сутокъ, т. е., по 207 верстъ, обыкновенная почта — двѣ недѣли (Записки, VI, стр. 74, VII, стр. 213 — 214; К. Булгаковъ, Письма — «Русск. Архивъ» 1903, № 1, стр. 59). Ришелье въ 1809 г., какъ генералъ-губернаторъ, изъ Одессы въ Петербургъ ѣдетъ десять дней и ночей (C. de Rochechouart, Souvenirs, стр. 122). Такихъ примѣровъ можно указать очень много, но я привожу возможно подходящіе по времени и мѣсту.

скорѣе; онъ не добровольно покидалъ все, имъ любимое, да и привычки къ подобной ѣздѣ у него не было; можно, слѣдовательно, считать, что онъ и тогда проѣзжалъ не болѣе 120 — 150 верстъ въ сутки, а въ такомъ случаѣ въ Кіевѣ (1250 верстъ) онъ могъ быть на восьмой-десятый день, т. е., около 14-15-го мая, а затѣмъ въ Екатеринославѣ (480 верстъ) еще черезъ три-четыре дня, т. е. около 17-19-го мая. Вспомнивъ, что и Раевскіе изъ Кіева выѣзжали 19-го мая [1]), значитъ, только немногимъ позже возможнаго пріѣзда туда Пушкина, надобно будетъ признать, что въ Кіевъ онъ вовсе не заѣзжалъ, такъ какъ не былъ у Раевскихъ,—быть можетъ, именно потому, что его забыли снабдить письмомъ изъ Петербурга. Предполагая же ѣзду прямой дорогой въ Екатеринославъ, пріѣхать туда Пушкинъ могъ на десятый-двѣнадцатый день, т. е., около 16 — 18-го мая. Воспоминанія «Предводителя дворянства» также указываютъ время пріѣзда Пушкина въ Екатеринославъ въ половинѣ мая [2]). Надо думать, по такимъ же соображеніямъ и г. Побѣдоносцевъ опредѣлялъ его пріѣздъ туда 16-17-го мая, какъ нѣчто несомнѣнное [3]).

Въ тѣ дни, когда Пушкинъ только что добрался до Екатеринослава, у Раевскихъ въ Кіевѣ, вѣроятно, получались непзвѣстныя намъ просьбы и указанія, а по нимъ сложилась мысль взять Пушкина съ собой на Кавказъ и въ Крымъ [4]). Судя по

---

1) П. Бартеневъ, Пушкинъ въ Южной Россіи — «Русск. Арх.» 1866, стр. 1102; «Архивъ Раевскихъ», подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, стр. 517.

2) Письмо изъ Бахмута — «Новое Время» 1899 г., 22-го марта, № 8285, стр. 3.

3) К. П. П., А. С. Пушкинъ — «Русск. Старина» 1879, іюнь, стр. 388; безъ указанія источника.

4) Предполагается, что вначалѣ Раевскій старшій и самъ не зналъ, поѣдетъ-ли въ Крымъ (М. Гершензонъ, Сѣверная любовь—«Вѣсти. Евр.» 1908, № 1, стр. 278, 302), но приводимыя письма не даютъ какого-либо повода такъ думать («Архивъ Раевскихъ», I, стр. 516, 524). Напротивъ, ясно, что эта поѣздка была давно рѣшена и — безповоротно: она замѣняла Италію, куда врачи считали необходимымъ послать Ек. Ник. Раевскую (Письмо Раевскаго младш. — «Арх. Раевскихъ», т. I, стр. 219). Сомнѣнія Раевскаго старшаго касались лишь сборовъ и времени отъѣзда въ Крымъ его жены со старшими дочерьми.

разсказамъ Маріи Николаевны Волконской[1]) и смыслу письма самого Раевскаго старшаго, можно думать, что весь ихъ поѣздъ состоялъ изъ двухъ каретъ и экипажа съ прислугой и кухней. Въ одной каретѣ ѣхали двѣ младшія дочери съ гувернанткой, няней и компаньонкой, а въ другой,—конечно, также на четыре мѣста,—могли помѣщаться самъ Раевскій, его сынъ, врачъ Рудыковскій и, впослѣдствіи, Пушкинъ. Такой поѣздъ ни въ какомъ

---

1) П. Бартеневъ, Пушкинъ въ Южн. Россіи — «Русск. Арх.» 1866, 1103. Сообщенія М. Н. Волконской объ этой поѣздкѣ дѣлались много позже, послѣ всей тягости Сибирской ссылки; во время же самой поѣздки на Кавказъ и въ Крымъ разсказчица была почти дѣвочкой; едва ли въ такихъ условіяхъ у нея могли сохраниться вѣрныя воспоминанія о разныхъ мелочахъ.

Годъ рожденія М. Н. Раевской (Волконской) указывается различно, между 1803 и 1808 годами, а между тѣмъ его близкое опредѣленіе было бы весьма желательно, въ виду отношеній къ ней Пушкина. Точное указаніе этого года, казалось, можно бы найти въ послужномъ спискѣ Раевскаго старшаго, но поиски въ этомъ направленіи были безплодны: тамъ нашлись лишь имена его дѣтей безъ указанія времени ихъ рожденія, кромѣ старшаго сына. Зять М. Н. Раевской, М. Ѳ. Орловъ, точно указалъ лишь день ея рожденія — 1-е апрѣля (Гершензонъ, Семья декабристовъ — «Былое» 1906, № 11, стр. 176); въ этотъ день празднуютъ Маріи Египетской. Въ «Архивѣ Раевскихъ» годъ рожденія ея показанъ и въ 1807, и въ 1805 годахъ (I, 43 и II, родосл. табл.). Письма Раевскаго старшаго, могшія указать время рожденія его дѣтей, имѣютъ числа мѣсяцевъ, но ихъ года опредѣляются часто по соображенію, да и именъ дѣтей они не даютъ, а потому и ихъ указанія не имѣютъ рѣшающаго значенія. Повидимому, даже сама Марія Николаевна и наиболѣе близкія къ ней лица не знали достовѣрно этого года. Марія Николаевна въ своихъ Запискахъ писала, что ей въ августѣ 1820 года было пятнадцать лѣтъ (можно понимать и пятнадцатый, и пятнадцать слишкомъ), значитъ она родилась въ 1805 или 1806 годахъ (Записки княгини М. Н. Волконской, 22), а въ день новаго 1827 года она же говорила, что ей только что минулъ двадцать одинъ годъ, значитъ, родилась она именно въ 1805 году (Записки, стр. 30); эти показанія сходны, но она же замѣчаетъ, что ея мужъ, князь С. Г. Волконскій, былъ старше на двадцать лѣтъ, а онъ родился въ 1788 году (Записки, стр. 4, 116) и слѣдовательно М. Н. родилась около 1808 года. Сынъ Маріи Николаевны, князь М. С. Волконской, издатель ея Записокъ, говоритъ тоже не вполнѣ опредѣленно, что его мать умерла 10-го августа 1863 года, пятидесяти шести лѣтъ (Записки, стр. XI, 120), значитъ она родилась въ 1807 или 1808 году. Если признать годомъ рожденія 1805 г., то разность ея лѣтъ съ мужемъ будетъ около семнадцати, а не двадцати, да въ такомъ случаѣ и въ 1821 году, когда съ ней познакомился Олизаръ, вскорѣ послѣ поѣздки съ Пушкинымъ на Кавказъ и въ Крымъ, ей было бы почти семнадцать лѣтъ,— возрастъ, къ которому едва ли можетъ подходить опредѣленіе Олизара, говорившаго, что тогда она была еще непривлекатель-

случаѣ не могъ передвигаться съ большой быстротой; къ тому же Раевскій, желая заѣхать въ свое имѣніе, а дочерямъ дать возможность побывать у дяди въ Каменкѣ, съ самаго начала поѣхалъ изъ Кіева не прямымъ, а кружнымъ путемъ — на Смѣлу и Елисаветградъ, а затѣмъ и во всю дорогу часто останавливался, давая отдыхъ всѣмъ и посѣщая боевыхъ товарищей и власти. Выѣхавъ изъ Кіева 19-го мая[1]), они всѣ пріѣхали на Горячія Воды (Пятигорскъ) 5-го іюня[2]), т. е., разстояніе въ 1690 верстъ

нымъ смуглымъ подросткомъ (Olizar, Pamiętniki, 155—156—«Marja była w onąporę nepociągającym jeszcze wyrostkiem, płci bardzo smogławie»). Лишь значительно позже — по смыслу разсказа года черезъ два-три — изъ непригожаго ребенка («niekształtnego dziecka») она превратилась въ красавицу дѣвицу. Впрочемъ, оцѣнка красоты дѣло неопредѣленное и вслѣдъ за увлеченіемъ Олизара, въ концѣ 1824 года, Туманскій писалъ: «Марія, идеалъ Пушкинской Черкешенки, дурна собой..., но очень привлекательна остротою разговоровъ и нѣжностью обращенія» (Стихотворенія и письма, 271). Ея сестру Софью Николаевну, бывшую только годомъ моложе, Олизаръ уже и прямо называетъ ребенкомъ. Такимъ образомъ, 1805 годъ кажется мало вѣроятнымъ. Если годомъ рожденія счесть 1807 или 1808, то въ Гурзуфѣ, въ августѣ 1820 года, ей было всего тринадцать съ половиной или двѣнадцать съ половиной лѣтъ, и трудно себѣ представить влюбленность поэта въ такого ребенка, да еще и «непривлекательнаго, непригожаго». Однако, эта влюбленность, давно указываемая въ литературѣ, настоятельно представлена П. Е. Щеголевымъ («Пушкинъ и его современники», XIV). Покойный маринистъ И. К. Айвазовскій также упорно ее отстаивалъ, какъ я не разъ отъ него слышалъ, пересказывая это, какъ утвержденіе Н. Н. Раевскаго младшаго. Впрочемъ, можетъ быть, начавшись почти шалостью (вродѣ Адели Давыдовой), эта влюбленность развивалась годами и только много позже Крыма она явилась въ сознаніи поэта, какъ

Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

Въ «Русскихъ Портретахъ», изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича, годомъ рожденія показанъ 1804 (II, № 160) и 1806 (IV, № 131); послѣднее, до нѣкоторой степени, примиряетъ вышесказанное, но тамъ и рожденіе ея младшей сестры показано въ томъ же 1806 году, что̀ не совмѣстимо.

1) Бартеневъ, Пушкинъ въ Южн. Россіи — «Русск. Арх.» 1866, 1102, показаніе Рудыковскаго; Гершензонъ, Сѣверн. любовь — «Вѣстн. Евр.» 1908, № 1, 298, письмо самого Раевскаго; «Архивъ Раевскихъ», I, 517, оно же.

2) Е. Г. Вейденбаумъ, Пушкинъ на Кавказѣ — Соч. Пушкина, ред. Венгерова, II, 19; Раевскій писалъ старшей дочери 7-го іюня: «другой день на водахъ». Подобное же письмо Раевскаго младшаго, отъ 6-го іюня («со вчерашняго дня на водахъ») — въ «Архивѣ Раевскихъ», I, 219.

(по пути Раевскихъ) проѣхали въ восемнадцать съ лишкомъ дней, а это даетъ въ среднемъ всего около девяноста верстъ въ сутки[1]). Такимъ образомъ, Раевскій младшій не безосновательно въ письмѣ къ матери говорилъ, что никогда путешествіе не было столь медленнымъ[2]). Это мнѣніе объясняется не только медленностью ѣзды, но и нетерпѣливостью его юности; въ дѣйствительности это была довольно обычная скорость, въ тѣ времена, для дальнихъ переѣздовъ съ женщинами и дѣтьми. Вспоминаю долгую поѣздку въ дѣтскіе годы, числа которой записаны: выходитъ почти то же самое (1600 верстъ въ девятнадцать дней). Я позволилъ себѣ нѣсколько распространиться о старой почтовой ѣздѣ, потому что теперь это дѣло основательно позабыто, такъ что и разсчеты дѣлаются прямо невыполнимые[3]).

---

1) Возвращаясь, они проѣхали 645 верстъ, отъ Пятигорска до Тамани, никуда не заѣзжая, въ восемь дней, т. е. ѣхали еще медленнѣе, но это объясняется военнымъ конвоемъ съ орудіями, сопровождавшимъ ихъ мѣстами.

2) «Архивъ Раевскихъ», т. I, 219.

3) Обычная скорость ѣзды Пушкина показана выше; онъ же въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, вызванный изъ Михайловскаго въ 1826 году самимъ Государемъ, проѣхалъ отъ Пскова до Москвы, 752 версты, нѣсколько болѣе чѣмъ въ трое съ половиною сутокъ, т. е., проѣзжалъ около 210 верстъ въ сутки. Даже и такую не особенную быстроту Анненковъ счелъ «молніеобразной», потому что она была, дѣйствительно, больше обыкновенной, что объясняется сопровожденіемъ фельдъегеря (Лернеръ, Труды и дни, 140; его-же, Послѣ ссылки въ Москвѣ, Соч. Пушкина, ред. Венгерова, III, 337). Обратно, изъ Москвы въ Михайловское, Пушкинъ ѣхалъ уже восемь дней, т. е., менѣе ста верстъ въ сутки (Письмо Соболевскому, Переписка, I, 380). Полагаютъ, что Пушкинъ въ Москву выѣхалъ позже, чѣмъ показываетъ Анненковъ, такъ что въ пути былъ трое сутокъ и даже нѣсколько менѣе, но и тогда быстрота ѣзды будетъ не болѣе 250 верстъ въ сутки (Лернеръ, Изъ неизданныхъ матер. — «Русск. Стар.» 1908, № 10 — 12, 117 — 118; его-же, Труды и дни, 453). Однако, это новое указаніе времени проѣзда не кажется вѣроятнымъ. Пушкинъ выѣхалъ изъ Михайловскаго въ ночь 3-го сентября, утромъ 4-го онъ былъ въ Псковѣ у губернатора, передавшаго ему письмо Дибича. Въ тотъ же день губернаторъ донесъ Дибичу объ отъѣздѣ Пушкина, да и самъ Пушкинъ это подтверждаетъ письмомъ того же 4-го числа къ Осиповой, гдѣ говорится о письмѣ Дибича и назначается пріѣздъ въ Москву 8-го, т. е., все и впередъ хорошо разсчитывая. Ясно, что второе донесеніе губернатора своему ближайшему начальству о томъ, что Пушкинъ «по явкѣ ко мнѣ сего 5-го сентября отправленъ при донесеніи моемъ» къ тому же Дибичу,—на чемъ основано новое соображеніе,—заключаетъ

Если эту среднюю скорость ѣзды Раевскихъ примѣнить къ началу ихъ путешествія, къ разстоянію между Кіевомъ и Екатеринославомъ, то можно счесть, что эту часть пути (600 верстъ, какъ ѣхали Раевскіе, а не ближайшею дорогой) они проѣхали дней въ семь и были въ Екатеринославѣ около 26-го мая вечеромъ, разыскавъ тамъ Пушкина. Г. Гершензонъ указалъ новый источникъ опредѣленія времени въ ихъ поѣздкѣ — письмо самого Раевскаго [1]), сдѣлавъ и выводы изъ этого письма, но въ его разсчетъ приходится ввести довольно значительныя поправки. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ письмѣ Раевскаго есть только два числа: дня выѣзда изъ Кіева и ночевки въ Смѣлѣ, все же остальное заключаетъ въ себѣ почти поденное описаніе разныхъ событій ихъ поѣздки, но безъ чиселъ, отчасти замѣняемыхъ указаніями ночевокъ. Эти описанія, особенно вначалѣ,

---

въ себѣ явную канцелярскую описку въ числѣ, такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ былъ у губернатора еще 4-го и не сталъ бы сидѣть безъ дѣла болѣе сутокъ во Псковѣ, да и предаться бѣшеной скачкѣ тоже не думалъ, а разсчитывалъ ѣхать, какъ обыкновенно, но вѣроятно безостановочно, не ночуя. Въ фельдъегерскомъ смыслѣ такая ѣзда вовсе не была скорой и очевидно зависѣла отъ усмотрѣнія Пушкина, а не отъ фельдъегеря, который самъ никогда не осмѣлился бы на такую медленность. Это доказываетъ, что фельдъегерь дѣйствительно сопровождалъ Пушкина, находясь въ его распоряженіи, а не везъ его по своему усмотрѣнію. Какъ ѣздили въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло было въ рукахъ фельдъегеря, видно, напр., по разсказу Олизара: его, арестованнаго въ 1826 году по дѣлу декабристовъ, фельдъегерь везъ изъ Кіева въ Петербургъ менѣе трехъ сутокъ, т. е., со скоростью 420 верстъ въ сутки (Olizar, Pamiętniki, 214), правда, — санным путемъ. Однажды въ молодости мнѣ пришлось немного проѣхать съ нагнавшимъ меня фельдъегеремъ, хотя это и строго запрещалось; не смотря на большую привычку и юныя силы, я не могъ выдержать болѣе двухъ перегоновъ и поѣхалъ одинъ. Во время коронованія Александра II въ Москвѣ мнѣ приходилось слышать разсказы того самого фельдъегеря Подгорнаго, который, везя въ 1827 г. Кюхельбекера, разводилъ съ нимъ Пушкина. Изъ желѣза сбитый николаевецъ, сѣдой, но еще полный силъ, вспоминая старину, говорилъ про неимовѣрныя, безпрерывныя поѣздки временъ 1825—56 годовъ изъ Петербурга въ Персію, Турцію, Польшу, Венгрію, Сибирь, Крымъ и страшныя въ этихъ случаяхъ требованія начальства, разсчитывавшаго ѣзду не только по часамъ, но даже по минутамъ, жестоко наказывая за опозданіе; скорость ѣзды бывала болѣе 350 и даже 400 верстъ въ сутки.

1) М. Гершензонъ, Сѣверная любовь — «Вѣсти. Европы» 1908, № 1, 298. То же письмо — въ «Архивѣ Раевскихъ», т. I, стр. 516 — 525.

когда Раевскій посѣщалъ родныхъ и свои имѣнія, настолько не полны, что поденно прослѣдить ихъ путь отъ Кіева до Екатеринослава невозможно. Отъ Екатеринослава до конца указанія сдѣланы полнѣе, и такъ какъ день пріѣзда на Горячія Воды извѣстенъ въ точности,— 5-е іюня, то, слѣдя обратно, можно составить такой путевикъ:

Екатеринославъ.....		28 мая	веч. ночлегъ.
Путь къ Маріуполю...	281 верстъ	29 »	ѣзда ночью.
Таганрогъ.....	126 »	30 »	ночлегъ.
Ростовъ-Аксай.....	84 »	31 »	»
Новочеркаскъ, Аксай..	52 »	1 іюня	»
Къ Ставрополю.....	52 »	2 »	ѣзда ночью.
Ставрополь, Сабля....	470 »	3 »	ночлегъ.
Георгіевскъ.....	40 »	4 »	»
Горячія Воды.....	35 »	5 »	»

По среднимъ цифрамъ Раевскіе были въ Екатеринославѣ 26-го мая, а по разсчету изъ письма 28-го мая; разница такъ мала, что можно признавать любое изъ этихъ чиселъ. Конечно, разсчетъ изъ указаній письма, казалось, долженъ бы быть вѣрнѣе, но въ немъ приходится допустить два раза безостановочную ѣзду ночью и переѣзды въ сутки до 235 верстъ и даже болѣе; первое можетъ объясняться вѣроятною невозможностью найти мѣсто для ночлега на маленькихъ, жалкихъ степныхъ станціяхъ, а послѣднее возможно потому, что ѣзда здѣсь была по ровнымъ степнымъ дорогамъ подъ Маріуполемъ и Ставрополемъ и при условіи заготовленія лошадей за нѣсколько дней впередъ. Воспоминаніе Предводителя дворянства[1]) о времени отъѣзда Пушкина изъ Екатеринослава, принятое въ основу разсчета г. Гершензона, должно счесть ошибочнымъ: не могъ Пушкинъ выѣхать изъ этого города 4-5-го іюня, потому что 5-го онъ уже былъ

1) Письмо изъ Бахмута — «Новое Время» 1899, 22-го марта, № 8. 285, стр. 3.

на Горячихъ Водахъ. Кромѣ того, г. Гершензонъ допускаетъ[1]), что Раевскіе менѣе, чѣмъ въ однѣ сутки, проѣхали отъ Екатеринослава до Таганрога — 407 верстъ,— быстрота, которой рѣдко достигали даже Высочайшія особы и фельдъегеря, ѣдучи въ легкихъ экипажахъ и безъ счета загоняя лошадей[2]). Впрочемъ, и по письму Раевскаго явно, что это разстояніе они проѣхали не менѣе, какъ въ два дня (а можетъ быть и въ три), въ Екатеринославѣ, передъ отъѣздомъ, позавтракали и сейчасъ за Маріуполемъ, въ 300 верстахъ, имъ опять приготовили завтракъ; конечно, это не могло быть въ одинъ день.

Итакъ, Пушкинъ, пріѣхавъ въ Екатеринославъ 16-18-го мая, выѣхалъ изъ него 26-28-го, т. е., пробылъ въ немъ всего около десяти дней. Старыя книги почтовыхъ станцій Екатеринославской губерніи, если только онѣ сохранились, могутъ рѣшить вопросъ съ еще большей точностью, — но поиски этого источника мнѣ недоступны.

По вопросу о томъ, какъ и почему Пушкинъ уѣхалъ изъ Екатеринослава, обычно представляется, что, найденный тамъ Раевскимъ младшимъ какъ бы случайно, онъ неожиданно былъ взятъ имъ съ собой, на Кавказъ; едва ли такое представленіе вѣроятно. Выше уже говорено, что поѣздка Пушкина на Кавказъ и въ Крымъ, по всѣмъ видимостямъ, была рѣшена еще въ Петербургѣ; то же оказывается и здѣсь: Екатеринославъ лежалъ на прямомъ пути Раевскихъ, — слѣдовательно, чтобы заѣхать туда, не требовалось никакихъ просьбъ младшаго Раевскаго. Да и встрѣча его съ Пушкинымъ также не была случайностью, основанною лишь на пріязни молодыхъ людей; это видно изъ того, что,

---

1) М. Гершензонъ, Сѣверная любовь — «Вѣстн. Европы» 1908, № 1, 279.

2) Булгаковъ, Письма—«Русск. Арх.» 1902, № 1, 87: фельдъегерь изъ Царскаго въ Москву съ извѣстіемъ о взятіи Варшавы въ 43 часа; № 2, 315—317: Государь изъ Москвы въ Петербургъ (750 верстъ) въ 1832 году, по хорошей дорогѣ, въ 44 часа, т. е. 408 в. въ сутки; № 4, 610—тоже въ 1833 году, 47½ часовъ; № 4, 580, Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ тотъ же путь въ 46 часовъ, т. е. по 390 верстъ въ сутки, считалъ чрезвычайнымъ и т. под.

пріѣхавъ въ Екатеринославъ, не молодой Раевскій, а генералъ Раевскій, какъ писалъ самъ Пушкинъ, искалъ его и нашелъ: значитъ, зналъ, гдѣ онъ. Можно думать, что если и не было предварительнаго уговора съ самимъ Пушкинымъ, то таковой былъ съ его друзьями, и никакой неожиданности для Раевскихъ,—да думаю даже и для Пушкина,—эта поѣздка не представляла и не зависѣла отъ случайной просьбы младшаго Раевскаго. Это соображеніе, мнѣ кажется, достаточно твердо указано всѣмъ положеніемъ вещей, приведеннымъ выше, и оно же вполнѣ подтверждается первымъ за всю дорогу письмомъ младшаго Раевскаго къ матери, съ Горячихъ Водъ. Говоря въ этомъ письмѣ о хорошемъ обществѣ, въ которомъ онъ вращается, Раевскій могъ и долженъ былъ указывать только лицъ, извѣстныхъ матери,—и онъ называетъ брата, Фурнье и Пушкина,—послѣдняго столь же просто, одной фамиліей, какъ и первыхъ двухъ, безъ малѣйшихъ объясненій, неизбѣжныхъ и необходимыхъ, если бы къ нимъ попалъ непредвидѣнно какой то молодой человѣкъ, незнакомый ни матери, ни сестрамъ. Очевидно, что въ послѣднемъ случаѣ Раевскій младшій долженъ былъ бы пояснить, кто такой Пушкинъ и почему онъ очутился съ ними, но объ этомъ онъ такъ же умалчиваетъ, какъ и его отецъ въ длинномъ и подробномъ письмѣ къ своей дочери, описывая весь путь и все случившееся во время его[1]).

Дальнѣйшей поѣздки Раевскихъ, не относящейся къ Крыму, я не буду касаться, но ихъ возвращеніе съ водъ въ его Крымской части надобно просмотрѣть. Для этого находятся положительныя указанія въ Запискахъ Г. В. Геракова[2]). Это самодовольный, ограниченный писатель, но съ хорошимъ образованіемъ и очень широкимъ кругомъ знакомствъ, стихоплетъ и любимецъ гвардейскихъ офицеровъ,—по опредѣленію К. Я. Булгакова[3]).

---

1) «Архивъ Раевскихъ», подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго, т. I, стр. 219, 516–525.

2) Г. Гераковъ, Путевыя Записки и Продолженіе ихъ, ч. I, стр. 99, 100, 103, 104, 117, 119.

3) Письма К. Булгакова — «Русск. Арх.» 1902 г., № 7, стр. 429.

Его Записки, давно извѣстныя крымовѣдамъ, имѣютъ не мало значенія, опредѣляя разныя мелочи и отношенія въ жизни многихъ лицъ тогдашняго мѣстнаго правящаго кружка, а такъ какъ онѣ писаны въ видѣ дневника, то даютъ и точныя числа. Недавно ихъ привлекли и для опредѣленія времени пребыванія Пушкина на Кавказѣ и въ Крыму. Собственно Пушкина онъ называетъ всего два раза — подъ 2-мъ августа, говоря о встрѣчахъ съ нимъ на Горячихъ Водахъ, но далѣе онъ часто говоритъ о Раевскихъ, а съ ними приходится видѣть и Пушкина[1]). Передъ самымъ Южнымъ берегомъ Крыма Гераковъ встрѣчается съ Раевскими въ Ѳеодосіи, у жившаго тамъ въ отставкѣ бывшаго градоначальника С. Б. Броневскаго, о посѣщеніи котораго говоритъ и Пушкинъ въ письмѣ къ брату; это было 17-го августа[2]). Гераковъ не захотѣлъ ѣхать на Южный берегъ, испугавшись утомительнаго и труднаго путешествія, а потому направился въ Симферополь, гдѣ и прожилъ довольно долго, вновь встрѣчаясь съ Раевскими, но возвращеніи ихъ изъ Гурзуфа. Раевскіе же отбыли изъ Ѳеодосіи моремъ,—не извѣстно

---

1) Выше уже упомянуто, что Раевскіе пріѣхали въ Пятигорскъ 5-го іюня; уѣхали они оттуда 5 — 6-го августа (Гераковъ, Путевыя Записки, 101, 103; также и Е. Вейденбаумъ, Пушкинъ на Кавказѣ, Соч. Пушкина ред. Венгерова, т. II, 19). Это время опредѣляетъ и самъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату: «Два мѣсяца жилъ я на Кавказѣ». Отрицаніе этихъ чиселъ не имѣетъ основанія (В. Я. Брюсовъ, Пушкинъ въ Крыму, Соч. Пушкина, ред. Венгерова, т. II, 89).

2) Гераковъ, Путевыя Записки, I, 123. Издавая письма Пушкина, его слова о Броневскомъ приводятъ въ обидной для памяти хорошаго человѣка редакціи: «Онъ не умный человѣкъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія о Крымѣ..., сторонѣ важной и запрещенной...» (Соч. Пушкина, Переписка, изд. Академіи Наукъ, I, 21). Пушкинъ, конечно, не постѣснился бы и прямо назвать глупца настоящимъ именемъ, а такъ изложенное выходитъ не безъ странности, особенно въ виду ранѣе имъ сказанной похвалы тому же Броневскому, узнать умъ котораго Пушкинъ не имѣлъ и времени. Кажется, что редакція «не ученый» вмѣсто «не умный», и «запущенной» вмѣсто не имѣющей смысла: «запрещенной» должна быть вѣрнѣе (Пушк., изд. Суворина, 1887, 95). Желчный Вигель также очень хвалилъ Броневскаго (Записки, ч. VII, 166). Сем. Богд. Броневскій числился братомъ 3-ей степени въ Ѳеодосійской масонской ложѣ du Jourdain Tableau de la grande loge Astrée pour l'an 58 $^{18}/_{19}$, (т. е. 18 $^{18}/_{19}$, 95).

въ точности, когда именно, но въ Ѳеодосіи имъ нечего было дѣлать, и всего вѣроятнѣе, что они уѣхали въ тотъ же день или на другой. Хотя эти соображенія и вѣроятны, но не настолько несомнѣнны, чтобы не допускать иныхъ домысловъ, такъ что нѣкоторые предполагаютъ пріѣздъ Пушкина въ Гурзуфъ и въ концѣ августа[1]). Казалось возможнымъ выяснить это, прибѣгнувъ къ неиспользованному источнику. Г. Бартеневъ, со словъ княгини М. Н. Волконской, указалъ[2]), что изъ Ѳеодосіи они всѣ отплыли на бригѣ, и хотя ея дѣтскія воспоминанія очень не надежны, но выдумать морское названіе судна она не могла. Такое судно, судя лишь по названію, могло быть и купеческое, но это почти невѣроятно, и надо предполагать, что оно было военное, а на военныхъ судахъ ведутся вахтенные журналы, въ которыхъ точно прописано, куда и когда ходило судно и даже записываются перевозимые имъ пассажиры. Названія везшаго ихъ брига княгиня Марія Николаевна не дала, но тогда въ Черноморскомъ флотѣ такихъ судовъ было очень мало, — не болѣе двухъ-трехъ[3]) и, слѣдовательно, не трудно пересмотрѣть вахтенные журналы ихъ всѣхъ; оставалось найти послѣдніе. Къ сожалѣнію, старательнѣйшіе, въ теченіе цѣлаго года, поиски, замедлившіе окончаніе этой статьи, до сихъ поръ были безуспѣшны. Изъ Черноморскихъ архивовъ всѣ старыя дѣла были отправлены въ Петербургъ, но тамъ ихъ также не оказалось, такъ что съ этой стороны ничего не нашлось. По тому же вопросу проѣзда Раевскихъ въ Крыму, по моей просьбѣ, дѣлалъ розыски въ старыхъ дѣлахъ съ гораздо бо́льшимъ успѣхомъ Предсѣдатель Таврической Ученой Коммиссіи А. И. Маркевичъ, которому и приношу глубочайшую благодарность. Просматривая время выдачи подорожныхъ, онъ нашелъ, въ дѣлѣ «О путешествіи знатныхъ особъ по Таврической губерніи», предписаніе

---

1) Н. Лернеръ, Труды и дни, 57, 484.

2) П. Бартеневъ, Пушкинъ въ Южной Россіи, стр. 1113 и 1103, 2 примѣч.

3) Кажется, бриги «Меркурій», «Пегасъ» и «Мингрелія».

губернатора Баранова Ѳеодосійскому исправнику, отъ 17-го августа, о томъ, чтобы онъ явился къ генералу Раевскому, «и если онъ изъявитъ желаніе отправиться на Южный берегъ, распорядился о безостановочномъ проѣздѣ и заготовленіи потребнаго числа лошадей, для чего командировать особаго чиновника, а буде отправится ранѣе въ Симферополь, равномѣрно оказывать всякое содѣйствіе». Въ отвѣтъ исправникъ доносилъ губернатору, 20-го августа, о полученномъ имъ вѣрномъ извѣстіи о томъ, что «Его Высокопревосходительство изволилъ отправиться изъ Ѳеодосіи на брандвахтѣ моремъ до Севастополя»[1]). Этотъ отвѣтъ исправника писанъ изъ деревни Азаматъ, откуда около 60 верстъ до Ѳеодосіи, — значитъ, требовалось время для полученія имъ предписанія губернатора, посылки въ Ѳеодосію, узнанія положенія дѣла тамъ и полученія оттуда извѣстія; на все это надобно болѣе сутокъ и, слѣдовательно, Раевскій выѣхалъ изъ Ѳеодосіи не позже вечера 18-го августа (и не ранѣе 17-го), на суднѣ, исполнявшимъ обязанности брандвахты, т. е., несомнѣнно военномъ; оказывается, что въ этомъ княгиня Марія Николаевна Волконская не ошиблась. Должно быть командиръ брига получилъ приказаніе отъ А. П. Ермолова, въ распоряженіи котораго была Керченская флотилія, или, вѣрнѣе, отъ начальника этой флотиліи — капитанъ-лейтенантъ Патаніоти, вѣроятно, являвшагося Раевскому при его проѣздѣ черезъ Керчь[2]). Перевезли ихъ всѣхъ не въ Севастополь, конечно, а въ Гурзуфъ. Это плаваніе началось подъ вечеръ, такъ что Пушкинъ видѣлъ закатъ солнца на морѣ передъ собой и тогда же, на палубѣ этого брига, создалъ

---

1) Напечатано въ «Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи», № 47, протоколы, стр. 25. По этой замѣткѣ Н. О. Лернеръ представилъ «Хронологію пребыванія Пушкина въ Крыму», въ статьѣ, помѣщенной въ «Русск. Старинѣ» 1912, кн. 4, любезно имъ сообщенной мнѣ въ корректурѣ. Выводы подобны, но я сохранилъ уже давно написанное, потому что здѣсь все изложено подробнѣе.

2) Г. Гераковъ, Путевыя Записки, I, 118. Нѣсколько позже, съ 1826 г., эта флотилія была въ распоряженіи Керченскаго градоначальника (Вигель, Записки, ч. VII, 98). Вообще, она должна была обслуживать Восточное побережье Чернаго моря и Закавказье.

элегію «Погасло дневное свѣтило». Погода стояла тихая и въ эту пору года всего вѣроятнѣе, что они шли легкимъ береговымъ бризомъ, держась очень близко къ берегу, имѣя его въ виду, не закрытымъ парусами, почему капитанъ и показывалъ Пушкину Чатырдагъ. Въ Гурзуфѣ они были на разсвѣтѣ, а такъ какъ ходу отъ Ѳеодосіи, при такихъ условіяхъ, часовъ десять-двѣнадцать, то, слѣдовательно, изъ нея вышли они часовъ въ пять вечера. Изъ всего сказаннаго можно заключить, что Раевскіе съ Пушкинымъ были на берегу въ Гурзуфѣ не позже утра 19-го или 18-го августа.

Въ старину, въ Черноморскомъ флотѣ часто печатали рисунки военныхъ судовъ. Не знаю, былъ-ли сдѣланъ рисунокъ того неизвѣстнаго брига, на которомъ плылъ Пушкинъ, но тогда конструкція судовъ очень мало мѣнялась, сохраняясь въ неизмѣнномъ видѣ десятки лѣтъ, а потому, чтобы дать представленіе, о томъ, на чемъ они плыли, рѣшаюсь представить рисунокъ брига «Персей», построеннаго въ 1839 году[1]).

Рис. 1.

1) Рисунокъ по литографіи изъ книги А. Голенищева-Кутузова: «О судахъ Черноморскаго флота, построенныхъ со времени вступленія на престолъ Государя Императора Николая Павловича», С.-Пб. 1844, 128.

Чтобы не возвращаться къ вопросамъ времени поѣздки, скажу тутъ же и о возвращеніи изъ Крыма Пушкина и Раевскихъ.

Отъѣздъ поэта изъ Гурзуфа опредѣляется довольно вѣроятно тѣмъ же Гераковымъ. Встрѣчу съ Раевскимъ старшимъ онъ указываетъ въ Симферополѣ 8-го сентября, а такъ какъ въ этомъ маленькомъ городкѣ онъ, живя долго и зная всѣхъ, со всѣми видѣлся ежедневно, часто посѣщая домъ, въ которомъ остановился Раевскій (домъ химика Де-Серра), а ранѣе о немъ не упоминаетъ, называя его и Ланжерона пріѣзжими, то, значитъ, онъ и пріѣхалъ въ этотъ самый день[1]). Изъ Гурзуфа старшій Раевскій и Пушкинъ выѣхали одни, безъ дамъ; проѣхавъ по тропамъ западной части берега верхомъ, они черезъ горы проѣхали въ мѣстности, называемой Мердвень (Лѣстница), затѣмъ посѣтили Георгіевскій монастырь и осмотрѣли Бахчисарай; этотъ путь указанъ самимъ Пушкинымъ. Повидимому, они не заѣзжали въ Севастополь, хотя это и не удлиняло ихъ пути, а проѣхали прямо изъ монастыря въ Бахчисарай; можетъ быть Раевскій не захотѣлъ утомляться неизбѣжными посѣщеніями морскихъ властей; какъ бы то ни было, у Пушкина ни о флотѣ, ни о Севастополѣ нѣтъ и намека. Путь отъ Гурзуфа до Георгіевскаго монастыря, а тѣмъ болѣе до Севастополя, — около восьмидесяти верстъ; верхомъ его едва ли можно было сдѣлать на дряшныхъ татарскихъ лошадяхъ; затѣмъ остается еще шестьдесятъ верстъ до Симферополя, что, съ осмотромъ Бахчисарая, также заняло не менѣе дня; можно, слѣдовательно, полагать, что изъ Гурзуфа путешественники выѣхали 4-го или не позже утра 5-го, если были въ Симферополѣ 8-го сентября. Пушкинъ писалъ, что пробылъ на Южномъ берегу три недѣли; отъ 18-го августа до 5-го сентября будетъ восемнадцать дней, т. е., весьма близко къ его показанію и даже совершенно точно, если къ Южному берегу онъ присчиталъ и время проѣзда въ горахъ, до Симфе-

1) Г. Гераковъ, Путевыя Записки, I, 156, 158.

рополя. Остальная семья Раевскихъ пріѣхала изъ Гурзуфа инымъ путемъ; причины этого понятны и объясняются состояніемъ путей Южнаго берега Крыма: между Симферополемъ и Гурзуфомъ и тогда возможно было проѣхать въ экипажѣ, хотя и очень дурной дорогой, по старинному, исконному пути, русломъ рѣчки Алмы и переваломъ на Алушту, Кебитъ-богазомъ, между Чатырдагомъ и Бабуганъ-яйлою; или даже долиной Салгира и переваломъ на Таушанъ-базаръ, гдѣ возможная экипажная дорога была уже продѣлана войсками въ самомъ началѣ XIX вѣка[1]). Западнѣе же Гурзуфа, въ сторону Севастополя, проѣздя по берегу былъ возможенъ только верхомъ, да и то очень утомительный и не безопасный: тамъ, случалось, теряли лошадей и вьюки[2]). Императоръ Николай I, вспоминая въ 1837 году Южный берегъ, какимъ онъ его видѣлъ въ первый разъ въ 1816 году, говорилъ, что «тогда не иначе можно было ѣздить, какъ только верхомъ, на привычныхъ лошадяхъ и не рѣдко съ опасностью, черезъ горы»[3]). Понятно, что женщины съ дѣвочками и обиліемъ прислуги и вещей не рѣшились предпринять такой путь, на верховыхъ лошадяхъ съ татарскими сѣдлами, и возвратились въ Симферополь старой дорогой. Всего вѣроятнѣе, что онѣ всѣ проѣхали изъ Гурзуфа гостить въ имѣніе своего родственника А. М. Бороздина, находившееся верстахъ въ пятнадцати отъ Симферополя, откуда они и наѣзжали въ этотъ городъ, гдѣ тотъ же Гераковъ впервые видѣлъ одну Е. Н. Раевскую 17-го сентября[4]). Совершенно невозможно думать по времени, что они успѣли проѣхать въ Бахчисарай черезъ Симферополь, на встрѣчу Раевскому съ Пушкинымъ. Изъ письма послѣдняго ясно, что въ Бахчисараѣ онъ былъ только съ однимъ Раевскимъ.

---

1) P. Pallas, Reise in die südl. St., II, 182.

2) С. Броневскій, Опис. Южнаго берега Крыма, 77. Суворовъ въ этихъ мѣстахъ «въ горахъ упалъ, больно расшибъ грудь, колѣно и чуть не вышибъ зубы» («Русск. Арх.» 1866, № 7, 967).

3) С. Юрьевичъ, Дорожныя письма — «Русск. Архивъ» 1887 г., № 6, 185.

4) Г. Гераковъ, Путевыя Записки, II, 12.

Годами двумя позже онъ писалъ въ строфахъ «Бахчисарайскаго Фонтана»:

И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!

но это была мечта поэта, какъ то имъ же и поясняется далѣе, а не дѣйствительность: женская часть семьи Раевскаго посѣтила Бахчисарай позже, когда не только Пушкина, но и Раевскаго старшаго не было въ Крыму.

Когда именно выѣхалъ Пушкинъ изъ Симферополя, — остается неопредѣленнымъ. Со словъ княгини М. Н. Волконской полагаютъ, что онъ провожалъ ихъ семейство до Каменки, но Екатерина Николаевна Орлова думала, что Пушкинъ съ ними доѣхалъ только до Симферополя или Перекопа[1]). Память безъ сомнѣнія измѣнила имъ обѣимъ, а это и здѣсь показываетъ, съ какою осторожностью можно полагаться на воспоминанія о давно прошломъ и, можетъ быть, опредѣляетъ малость значенія Пушкина для нихъ въ ту пору. Далѣе будетъ показано, какъ долго еще пробыли Раевскіе въ Крыму, а о Пушкинѣ Таврическій губернаторъ Барановъ писалъ, что онъ былъ у него съ Раевскимъ старшимъ, и что онъ его отправилъ, больного лихорадкой, въ Бессарабію[2]), а это безъ сомнѣнія указываетъ, что Пушкинъ уѣхалъ одинъ, безъ кого-либо изъ Раевскихъ. Въ Кишиневѣ онъ былъ уже 21-го сентября[3]); туда отъ Симферополя 617 верстъ, и доѣхать Пушкинъ могъ дней въ пять-шесть, безъ торопливости, — слѣдовательно, воз-

1) П. Бартеневъ, Пушкинъ въ Южной Россіи, 1121; Лобода, Пушкинъ и Раевскіе, Соч. Пушкина, ред. Венгерова, II, 108; Н. Лернеръ, Труды и дни, 59 — 60.

2) Н. Лернеръ, Труды и дни, 60.

3) Н. Лернеръ, Труды и дни, 59—60; И. П. Липранди, Изъ дневн.—«Русск. Арх.» 1866, 1263; А. Яцимирскій, Пушкинъ въ Бессарабіи, Соч. Пушкина, ред. Венг., II, 162. Не только нельзя допустить, что семейство встрѣчало Раевскаго въ Бахчисараѣ, но и того, что Пушкинъ больной оставался тамъ до 20-го сентября, или что онъ путешествовалъ въ Крыму болѣе двухъ мѣсяцевъ: онъ пробылъ тамъ не болѣе трехъ недѣль (В. Брюсовъ, Пушкинъ въ Крыму, Соч. Пушкина, ред. Венг., II, 99, 100—101).

можно было бы его видѣть въ Симферополѣ до 15-го сентября. Но это не кажется вѣроятнымъ: если бы онъ пробылъ такъ долго въ этомъ городѣ, съ 8-го по 15-е, то навѣрно помянулъ бы его чѣмъ-либо, а на это нѣтъ у него и намека ни въ стихахъ, ни въ прозѣ. Всего вѣроятнѣе думать, что Пушкинъ уѣхалъ изъ Симферополя немедленно по пріѣздѣ туда съ Южнаго берега, т. е. около 8-9-го сентября, и что у Баранова онъ былъ съ Раевскимъ именно для полученія подорожной. Будучи больнымъ, онъ не спѣшилъ въ дорогѣ, вездѣ отдыхая, особенно въ Одессѣ, гдѣ его, конечно, захватила жизнь большого, веселаго города. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Пушкинъ простился съ женской половиной семьи Раевскихъ еще въ Гурзуфѣ и больше въ Крыму съ ними не видѣлся. Послѣ него, какъ бы на его мѣсто, туда пріѣхалъ А. Н. Раевскій [1]).

Раевскій старшій также уѣхалъ вскорѣ послѣ Пушкина. Къ нему былъ посланъ изъ Кіева, еще 12-го августа, жандармъ Черниковъ, съ самонужнѣйшими бумагами [2]). Отъ Кіева до Симферополя 789 верстъ, и жандармъ могъ пріѣхать дня въ четыре, значитъ въ Кіевѣ хорошо знали, когда именно будетъ Раевскій въ Крыму. Обратно же этому жандарму выдали подорожную только 15-го сентября. Конечно, не ради самонужнѣйшихъ бумагъ продержалъ Раевскій жандарма у себя цѣлый мѣсяцъ, и если послѣдній уѣхалъ позже 15-го сентября (день выдачи подорожной не значитъ и день отъѣзда), то это съ очевидностью показываетъ, что около того же времени уѣзжалъ и Раевскій старшій, которому жандармъ служилъ курьеромъ. Гераковъ видѣлъ Раевскаго старшаго послѣдній разъ въ Симферополѣ

---

1) М. Гершензонъ, Семья декабристовъ — «Былое» 1906, № 10, 303. М. Ѳ. Орловъ отвѣчаетъ на письмо Алекс. Ник. Раевскаго, полученное изъ Крыма. Всѣ эти вопросы о времени проѣзда всѣхъ могли бы точно рѣшаться книгами почтовыхъ станцій; къ сожалѣнію, онѣ уничтожены, какъ сообщилъ намъ А. И. Маркевичъ.

2) «Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи», т. 47, протоколы, стр. 26.

17-го сентября[1]), а 19-го онъ же видѣлъ всю семью Раевскихъ, но безъ генерала, въ Бахчисараѣ: значитъ, старшій Раевскій уѣхалъ между 17-мъ и 19-мъ.

Оставшіяся въ Крыму Раевскія занялись посѣщеніемъ Бахчисарая и Севастополя. Въ Бахчисараѣ ихъ видѣлъ 19-го и 20-го тотъ же Гераковъ, — только Раевскую со всѣми дочерьми; генерала же съ ними, конечно, не было, а то Гераковъ не преминулъ бы сказать именно о немъ, какъ и вездѣ это дѣлалъ, соблюдая чинопочитаніе. И. М. Муравьевъ-Апостолъ тогда же засталъ Раевскихъ въ имѣніи Бороздина, гдѣ пробылъ четыре дня,— конечно, тоже безъ самого генерала и безъ Пушкина[2]).

Эти выводы, сдѣланные въ бо́льшей части по извѣстнымъ до

---

1) Гераковъ, Путевыя Записки, II, 12.

2) Гераковъ, Путевыя Записки, II, 24, 29; И. М. Муравьевъ-Апостолъ, Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г., 47, 48. Число имъ не обозначено точно, но таково по вѣроятному подсчету его пути: изъ Одессы Муравьевъ выѣхалъ 11-го сентября (стр. 1); въ дер. Саблы́ проѣхалъ, не заѣзжая въ Симферополь; оттуда прямо въ Севастополь, гдѣ оставался нѣсколько дней, и былъ тамъ еще въ самомъ концѣ сентября (стр. 93). Эта деревня А. М. Бороздина, бывшаго Таврическаго губернатора (въ 1807—1816 гг.), называлась Саблы́, а не Са́бля; она существуетъ и до сихъ поръ, но въ иномъ владѣніи. Названіе деревни — татарское, значитъ — рукоять или вообще вещь съ ручкой (отсюда и оружіе — са́бля), а также развѣтвленіе дороги,— соотвѣтственно чему, вѣроятно, и названа.

Очень любопытное и подробное описаніе и деревни Саблы́, и ея хозяина А. М. Бороздина, и тамошнихъ деревенскихъ порядковъ дано въ статьѣ французскаго журнала 1830 г. «Le Mercure de France au XIX siècle» — «Voyage inédit en Russie. Le général Borosdin», p. 436—437. Авторъ не названъ, но сказано, что это дипломатъ, проведшій нѣсколько лѣтъ на востокѣ и приготовляющій изданіе новыхъ путешествій въ Россію и Грузію. Судя по этому и по указываемымъ въ статьѣ знакомствамъ съ эмигрантами, поселившимися на югѣ Россіи, съ кружкомъ декабристовъ, съ Ермоловымъ и Грибоѣдовымъ,— его другомъ, можно полагать, что этимъ авторомъ былъ Гамба, французскій консулъ въ Тифлисѣ, не задолго до того издавшій «Voyage dans la Russie méridionale», Paris. 1826. Онъ посѣтилъ Саблы́ въ лѣто или осень 1824 года и въ числѣ посѣтителей видѣлъ тамъ «Михаила Орлова съ женой и свояченицей, дѣвицей Раевской, вскорѣ вышедшей замужъ за несчастнаго князя Сергѣя Волконскаго». Кажется, посѣщеніе Маріей Николаевной Крыма въ этомъ году, а можетъ быть даже Южнаго берега, не указывалось.

сихъ поръ матеріаламъ, подтверждаются и новыми находками. Поиски А. И. Маркевича, о которыхъ говорено выше, дали совершенно опредѣленныя указанія. Не отыскалось время выдачи Барановымъ подорожной Пушкину, но нашлась подорожная, выданная адмираломъ Грейгомъ, 2-го октября 1820 года, на проѣздъ изъ Севастополя въ Симферополь «г. генерала-отъ-кавалеріи Раевскаго супругѣ, съ будущимъ, изъ почтовыхъ по 12 лошадей». А на этой подорожной оказалась еще болѣе любопытная помѣта: «Записка въ Казначейство о выдачѣ подорожной до Кіева на 8 лошадей, № 3567, 5-го октября 1820 г.». Отсюда слѣдуетъ, что Раевскія изъ Бахчисарая или изъ Сабловъ проѣхали до Севастополя и возвратились въ Симферополь. Изъ Крыма же онѣ уѣхали много позже Пушкина,—не ранѣе 5-го октября, въ двухъ экипажахъ, а по почтовымъ правиламъ въ нихъ могло быть не болѣе восьми-десяти ѣдущихъ (осенью): вѣроятно, сама Раевская съ четырьмя дочерьми, англичанка, компаньонка, няня, прислуга и, можетъ быть, кто либо-изъ сыновей. Выдача подорожной Раевской ясно показываетъ, что генерала Раевскаго уже не было въ Крыму. Тотъ же вездѣсущій Гераковъ подтверждаетъ и это: въ Кіевъ онъ пріѣхалъ 15-го октября, у Раевскихъ бывалъ весьма часто, но только 22-го октября называетъ онъ С. А. Раевскую пріѣзжей; и дѣйствительно, отъ Симферополя онѣ должны были ѣхать не менѣе десяти дней, да можетъ быть еще и отдыхали или заѣзжали куда-нибудь.

Выше замѣчено, что у Пушкина не встрѣчается какого-либо указанія на Симферополь, а это противорѣчитъ обычному, весьма распространенному пониманію его словъ о Салгирѣ — рѣчкѣ, протекающей въ этомъ городѣ; но упоминаемые Пушкинымъ «брега веселые Салгира» относятъ къ Симферополю лишь по недоразумѣнію. Дѣло тутъ въ томъ, что у крымскихъ татаръ, да кажется и вообще въ тюркскихъ языкахъ, слово «салгиръ» идетъ въ значеніи не собственнаго имени, а нарицательнаго, въ смыслѣ вообще горной рѣчки или сухорѣчья; поэтому это слово

русскіе рабочіе, пришлые въ Крымъ, отчетливо понявшіе въ чемъ дѣло, примѣняютъ ко всякому оврагу, употребляютъ его даже во множественномъ числѣ, говоря, напр.: «всѣ салгиры пересохли» или: «свалили мусоръ въ салгиры» и т. под.; такимъ образомъ, «салгировъ» очень много въ горномъ Крыму, — они оказываются повсюду; въ томъ числѣ такъ называли и называютъ горный потокъ, протекающій черезъ Гурзуфъ, собственное имя котораго въ верховьяхъ—Аунда, а внизу—Сюнарпутанъ[1]). Разумѣется, что теперь, видя въ Гурзуфѣ берега этой рѣчки, обдѣланные въ каменные набережныя и застроенные церковью, многочисленными домами, большими гостинницами, украшенные фонтанами и цвѣтниками, странно слышать приложеніе къ нимъ Пушкинскаго эпитета, но ихъ слѣдуетъ вспомнить такими, какими они были въ то время и даже еще не такъ давно, — лѣтъ тридцать тому назадъ,— и тогда не будетъ сомнѣнія въ томъ, что именно здѣсь лежатъ воспѣтые поэтомъ берега рѣчки. При немъ здѣсь не было ни одной постройки, даже деревенскія татарскія хаты не спускались внизъ; а паркъ владѣльца Гурзуфа доходилъ только до рѣчки, прихотливо извивавшейся между кустовъ и деревьевъ, по зеленымъ лужайкамъ (по татарски—чапрамъ). Вотъ видъ Гурзуфа, сдѣланный очень хорошимъ рисовальщикомъ, съ того мѣста, гдѣ нѣсколько позже былъ построенъ домъ Ришелье[2]).

---

1) Аунда—слово, котораго значеніе изъ мѣстныхъ говоровъ не объясняется; съ подобнымъ окончаніемъ много названій разныхъ урочищъ на Южномъ берегу Крыма, также не вразумительныхъ. Сюнарпутанъ или Шюнарпутанъ — по мѣстному, греческому нарѣчію, значитъ снѣговой воды рѣчка, изъ новогреческаго — Χιονόνερον и ποτάμι.

2) Этотъ рисунокъ, значительно уменьшенный (почти въ три раза),— съ литографіи изъ очень рѣдкаго альбома: «Ch. Kügelgen, Vues pittoresques de la Crimée», St. Pétersb. 1827, pl. 7. Альбомъ былъ повторенъ въ Москвѣ, въ 1833 г., подъ заглавіемъ «Новое живописное путешествіе по Крыму», безъ имени автора; столь же рѣдокъ, какъ и первый. Рисунки для этихъ альбомовъ дѣланы Кюгельгеномъ въ 1805—6 году, о чемъ подробно сказано мною въ «Зап. Од. Общ. Ист. и Др.», т. XXVIII, 48.

Рис. 2.

Впрочемъ, и самъ Пушкинъ рѣшаетъ этотъ вопросъ вполнѣ ясно и точно, и только недостаточное знакомство съ Крымомъ толкователей поэта было причиной указанія Салгира по географической картѣ. Мы видимъ, что, напримѣръ, все «Желаніе» поэта цѣликомъ проникнуто горами и моремъ, югомъ; онъ говоритъ о краѣ,

Гдѣ весело шумятъ и блещутъ воды
И мирные ласкаютъ берега,
Гдѣ на холмы, подъ лавровые своды,
Не смѣютъ лечь угрюмые снѣга.
. . . . . .
Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
. . . . . .
И моря шумъ, и говоръ водопада,
И средь валовъ бѣгущія суда...

Послѣ такого опредѣленнаго описанія онъ спрашиваетъ себя, съ сомнѣніемъ:

Приду ли вновь . . . . . .
. . . . . .
На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты?
. . . . . .
И тамъ, гдѣ миртъ шумитъ надъ тихой урной,
Увижу ль вновь, сквозь темные лѣса,
И своды скалъ, и моря блескъ лазурной,
И ясныя, какъ радость, небеса?

Еще нагляднѣе въ концѣ «Бахчисарайскаго Фонтана»: тамъ не только картина Южнаго берега, но прямо и точно мѣстность, — именно окрестъ Гурзуфа:

О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира.
Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь Таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.

И наконецъ, все завершая,

. . . . . зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага. . . .

Хотя и безъ указанія Салгира, но очевидно для тѣхъ же мѣстъ и элегія «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда», а въ ней:

. . . . . дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ
И сладостно шумятъ Таврическія волны.

Можно и еще указать подобное же, но и такъ есть ли малѣйшее сомнѣніе? Вездѣ Салгиръ поэта поставленъ въ самую

тѣсную, неразрывную связь съ моремъ, виноградомъ, оливами, миртомъ, лавромъ и кипарисомъ. Всего этого въ Симферополѣ, на берегахъ Салгира нашихъ географій, никогда не бывало и быть не можетъ, по климатическимъ условіямъ[1]). Любимой надеждой поэта было «увидѣть опять полуденный берегъ, горы, сады, море»; да и потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Пушкинъ вспоминалъ Крымъ, то «прелесть непзъяснимую» для него имѣли «полуденный берегъ и Бахчисарай», а не Симферополь, который онъ едва ли и примѣтилъ. Еще одна черта: всѣ эти «салгиры» Южнаго берега значительную часть года бываютъ безводны, особенно къ концу лѣта, когда былъ Пушкинъ, и мы видимъ, что онъ съ чутьемъ художественной правды восхищается берегами рѣчки, но молчитъ о ея водахъ, а тутъ ли не мѣсто было звучнымъ строфамъ?...

Возвращусь къ описанію пребыванія Раевскихъ въ Гурзуфѣ. Военный бригъ высадилъ тамъ генерала съ младшими дочерьми, сыномъ и Пушкинымъ, а на берегу ихъ встрѣтила С. А. Раевская со старшими дочерьми. Всѣ они помѣстились въ домѣ, не задолго до того построенномъ тогдашнимъ владѣльцемъ Гурзуфа, герцогомъ Ришелье. Невольно спрашивается, почему они выбрали это мѣсто, на основѣ какихъ отношеній? П. И. Бартеневъ пояснялъ это тѣмъ, что Ришелье предложилъ дачу на лѣтнее время генералу Раевскому, какъ своему товарищу по военной службѣ[2]). Объясненіе весьма простое, но не состоятельное. Конечно, Ришелье и Раевскій оба носили мундиръ русскихъ генераловъ, но товарищами они не были ни по воспитанію, ни по прохожденію службы; единственное время, когда они могли

---

1) Такое замѣчаніе было сдѣлано г. Ласковскимъ еще въ 1900 году («Изв. Таир. Уч. Арх. Ком.», № 31, 95), но безъ объясненія, и Салгиръ указанъ не въ рѣчкѣ Гурзуфа, а по сосѣдству, къ востоку, въ одномъ изъ пустынныхъ и безводныхъ сухорѣчій, гдѣ любоваться нечѣмъ. Однако, указанія Пушкинскаго Салгира въ Симферополѣ продолжаются (В. Брюсовъ, Пушкинъ въ Крыму, Соч. Пушкина, ред. Венг., II, 99).

2) П. Бартеневъ, Пушкинъ въ Южн. Россіи — «Руск. Арх.» 1866, 1115.

бы встрѣчаться на военномъ поприщѣ, — Турецкая война 1806—1812 года,—ихъ не сблизило. Ришелье не ходилъ далѣе Измаила и тамъ скоро заболѣлъ, такъ что въ концѣ 1806 года уже возвратился въ Одессу, а Раевскій только съ 1810 года пріѣхалъ изъ Финляндіи и былъ все время на среднемъ Дунаѣ. Кажется, они и знакомы даже не были другъ съ другомъ, если судить по тому, что въ ихъ перепискахъ ихъ имена не встрѣчаются даже случайно. Во всякомъ случаѣ, во время поѣздки Раевскихъ въ Крымъ, въ 1820 году, списываться съ Ришелье, бывшимъ уже давно (съ осени 1814 года) внѣ Россіи, едва ли было удобно. Ришелье, противъ своей воли попавъ въ министры, часто думалъ о возвращеніи въ Россію, именно въ Гурзуфъ, а выйдя въ отставку въ самомъ концѣ 1818 г., готовился къ этому, имѣя разрѣшеніе Государя и всѣхъ увѣдомляя о томъ, и лишь по политическимъ причинамъ отлагая пріѣздъ на 1820 годъ. Съ весны этого года онъ попалъ вторично въ министры и увѣрялъ, что горюетъ о невозможности пріѣзда на югъ Россіи болѣе кого-либо [1]). Въ эту пору, когда онъ кипѣлъ въ государственныхъ дѣлахъ, при крайне тяжелой обстановкѣ, Раевскому не приходилось заводить съ нимъ переписку по такимъ пустякамъ. Впрочемъ, можно утверждать, что и сами Раевскіе, уже будучи на Кавказѣ, еще не знали, гдѣ они будутъ жить въ Крыму. Въ ту пору слово «Крымъ» было лишь общимъ мѣстомъ въ ихъ перепискѣ. Это внѣ сомнѣнія явствуетъ изъ письма Раевскаго младшаго къ матери съ Кавказа, отъ 6-го іюня 1820 г. Онъ надѣется, что мать со старшими сестрами остановятся въ Кучукъ-Ламбатѣ, и поучаетъ ихъ тому, что разныя другія мѣста въ Крыму, какъ то Судакъ, Кафа, Балаклава не годятся, имѣя совсѣмъ иныя климатическія условія. Кучукъ-Ламбатъ принадлежалъ тогда тому же ихъ родственнику А. М.

---

1) Герцогъ А. Э. Ришелье — «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. 54, 530, 531, 533, 537. Выйдя вторично въ отставку, онъ еще передъ самой смертью (10-го мая 1822) писалъ, что пріѣдетъ въ Крымъ (стр. 627).

Бороздину, о которомъ говорено выше, оставшемуся жить въ Крыму послѣ выхода въ отставку, почему на его имѣніе и ссылается Раевскій младшій, но не могу указать, откуда онъ самъ могъ почерпнуть столь правильныя свѣдѣнія о Крымскихъ мѣстахъ, неизвѣстныя матери и, судя по смыслу, отцу [1]). Можно съ увѣренностью сказать, что мысль о помощи Бороздина, какъ родственника, въ выборѣ мѣста въ самомъ Крыму, руководила ими всѣми и заранѣе этотъ выборъ не былъ и не могъ быть сдѣланъ. Возможно, что и вся поѣздка въ Крымъ вызвана была именно пребываніемъ тамъ Бороздина [2]).

Въ основу всего дальнѣйшаго надобно замѣтить, что нынѣ существующій домъ владѣльца въ Гурзуфѣ не только стоитъ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, но и сохранился въ своихъ главныхъ чертахъ,— въ обводахъ своего плана снаружи. Это съ полною несомнѣнностью утверждается какъ всяческими свидѣтельствами, такъ и непрерывною послѣдовательностью его рисунковъ. Въ немъ именно и прожилъ Пушкинъ съ Раевскими, но для выясненія той весьма простой причины, по которой они всѣ въ немъ поселились, надобно показать, чѣмъ было это владѣніе Ришелье, а при этомъ выяснятся и судьбы этого дома, и образъ жизни въ немъ Раевскихъ и Пушкина.

Въ первые годы занятія Крыма его Южный берегъ оставался совершенно неизвѣстнымъ и почти недоступнымъ. Даже Потемкинъ никогда тамъ не былъ и едва ли имѣлъ о немъ какое-либо понятіе, потому что, отводя себѣ земли въ малопригодной, но имъ прославленной Байдарской долинѣ или въ Судакѣ, охотно раздавая помѣстья иностранцамъ въ лучшихъ частяхъ пустыннаго Южнаго берега (напр., принцу де-Линю — Партенитъ, а принцу Нассау-Зигену — Марсанду), самъ ничѣмъ

---

1) «Архивъ Раевскихъ», т. I, 220.

2) Бороздинъ былъ женатъ на единоутробной сестрѣ Раевскаго старшаго— С. Л. Давыдовой.

тамъ не завладѣлъ[1]). Нѣсколько лѣтъ позже на этотъ берегъ уже кое-кто пробирался, идя по слѣдамъ греческихъ выходцевъ, поселенцевъ Балаклавы, державшихъ караулы по Южному берегу, въ видѣ пограничной стражи, и расхватавшихъ

---

1) П. Бартеневъ (Пушкинъ въ Южной Россіи — «Русск. Арх.» 1866, 1116) замѣчаетъ, что вблизи Гурзуфа находится имѣніе Артекъ, «опустѣлая и нѣкогда великолѣпная дача Потемкина», и что это наводило Пушкина на разговоры о Потемкинѣ съ Раевскимъ (родственникомъ Потемкина), а отсюда получилось и знакомство Пушкина съ новою Русскою исторіей. Уже и Скальковскій ошибочно думалъ, что Гурзуфъ и Алупка принадлежали нѣкогда Потемкину-Таврическому (Опытъ статистическаго описанія Новороссійскаго края, Одесса. 1853, II, 112, 128), но безъ малѣйшаго основанія, а сложное построеніе Бартенева основано просто на обмолвкѣ, происшедшей отъ сходства фамилій. Во время Пушкина Артекъ (по татарски — перепелка) былъ татарскимъ пустыремъ и ничѣмъ болѣе. Въ 1824 году эту землю и сосѣдніе участки скупилъ графъ Олизаръ (около 200 десят.), заплативъ за первый участокъ, около полудесятины, всего два рубля (Pamiętniki, 173 — 4). Всю землю онъ назвалъ Кардіятриконъ (сердечное лѣкарство), во избавленіе отъ своей неудачной любви къ М. Н. Раевской, и сталъ тамъ строиться; названіе подѣйствовало и года черезъ полтора онъ забылъ и любовь, и имѣніе, уѣхавъ изъ Крыма. Въ 1834 году Артекъ былъ проданъ Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной («Гостилицкая», рожд. княжна Голицына, называемая въ шутку Имп. Николаемъ I — митрополитомъ: Письма князя А. Н. Голицына — «Русск. Арх.» 1905 г., № 11, 414). Ею были сдѣланы разныя культурныя улучшенія и небольшія простенькія постройки, межъ ними и маленькая домовая церковь. Въ 1837 году она принимала въ Артекѣ всю Императорскую фамилію, но до какого-либо великолѣпія дѣло тамъ никогда не доходило. Теперь это имѣніе принадлежитъ г. Первушину.

Обмолвка Бартенева, конечно, случайна, но поближе къ намъ то же утвержденіе становится не только несомнѣнностью, но и получаетъ распространительное толкованіе. Теперь прямо утверждаютъ, что Гурзуфъ первоначально принадлежалъ Потемкину («Россія», т. XIV, 763). Другой авторъ, тоже изъ новыхъ, говоритъ: «При занятіи Крыма русскими, бо́льшая часть Гурзуфскихъ владѣній, въ числѣ другихъ лучшихъ мѣстъ Крыма, оказалась принадлежащей свѣтлѣйшему князю Потемкину. Послѣ Потемкина имѣніе переходитъ отъ одного вельможи къ другому и, наконецъ, попадаетъ, въ руки къ богатому мужичку Губонину ..... Вельможи владѣли и наслаждались въ немъ сами....» (Чеглокъ, Красавица Таврида, Москва. 1910, 247). Какъ владѣли вельможи, начавшіе покупать эти забытыя и заброшенныя земли, показано дальше, а какъ владѣлъ Губонинъ и его преемники, хорошо говорится на слѣдующей страницѣ того-же сочиненія. Еще повѣс не только Гурзуфъ, но и всѣ окрестности Аю-дага утверждаются во владѣніи Потемкина: онъ не только владѣлъ всѣмъ, но была тутъ его любимая дача, на которой онъ часто жилъ (Орловская, Крымъ, Москва. 1911, стр. 200). Такъ пишется исторія...

его почти весь, какъ безъ призора и втупе лежащій. Его большіе куски они подносили въ подарокъ своимъ командирамъ; изъ нихъ, напр., Ревельоти владѣлъ Форосомъ, Мухалаткой, Кикинезомъ, Симезомъ, частью Алупки, Оріандой и Ливадіей. Изъ примѣтныхъ лицъ едва ли не первый былъ губернаторъ А. М. Бороздинъ, осѣвшій поближе къ Симферополю, въ восточной сторонѣ Южнаго берега, въ Кучукъ-Ламбатѣ. Надо думать, что именно онъ указалъ эти мѣста Ришелье, которому подчинили Крымъ съ 15-го марта 1805 года, и который, понимая значеніе моря, горъ и тепла, увлекся этимъ берегомъ и пріобрѣлъ въ Гурзуфѣ, въ 1808 году, довольно обширный садъ со старой хатой и нѣсколькими участками земли, продававшійся съ публичнаго торга, послѣ смерти какого то бездѣтнаго Татарина, за 4.000 рублей ассигнаціями, тогда равнявшимся 8.000 франковъ[1]). Вскорѣ послѣ того, объѣзжая край, онъ проѣхалъ въ сентябрѣ того же года весь Южный берегъ съ большою свитой, въ которой былъ и губернаторъ, А. М. Бороздинъ. У послѣдняго въ Кучукъ-Ламбатѣ они останавливались въ палаткахъ, за неимѣ-

1) C. de Rochechouart, Souvenirs, 103, 109, 114. Кастельно, тоже близкій человѣкъ къ Ришелье, пишетъ, что за землю было заплачено 6.000 фр. (Essai sur l'histoire de la Nouvelle Russie, 1820, t. III, 226). Участокъ земли былъ довольно большой, если судить по словамъ маршала Мармона, конечно, знавшаго все отъ Воронцова, только что тогда продавшаго это имѣніе; въ немъ было 140 десятинъ и ихъ купилъ Ришелье будто бы за 3.000 фр., — около 3.000 рублей. Тамъ было израсходовано на постройки и садовыя работы 20.000 руб. (Voyage de duc de Raguse, Paris. 1837, I, 369). Въ то же время и Дюбуа повторяетъ, что имѣніе было куплено за 3.000 фр. (Dubois-de-Montpéreux, Voyage autour du Caucase, 1843, VI, 36). Разумѣется, показаніе Рошешуара наиболѣе достовѣрно; впрочемъ, путаница показаній всего вѣроятнѣе происходитъ отъ колебанія курса ассигнаціоннаго рубля; въ 1812 году этотъ рубль равенъ франку (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. 54; Зап. Сикара, 359). Имѣніе послѣ смерти Ришелье (въ 1822 г.) перешло, по завѣщанію, къ его адъютанту, И. А. Стемпковскому, который говорилъ, что эта земля приносила Герцогу менѣе тысячи франковъ (рублей) въ годъ дохода. Въ началѣ 1823 г. онъ продалъ имѣніе графу М. С. Воронцову (Rochechouart, op. c., 506), потому что содержаніе его находилъ себѣ не по средствамъ; продажная цѣна была, кажется, 25.000 рублей. Воронцовъ продалъ домъ съ садомъ и только съ сорока десятинами, въ 1834 или 1835 году, И. И. Фундуклею, за 100.000 рублей (Voyage du duc de Raguse, I, 370). Это недурной образчикъ возрастанія цѣнности земельныхъ угодій на Южномъ берегу Крыма.

ніемъ иного помѣщенія; оттуда Ришилье, проѣхавъ въ Гурзуфъ, торжественно заложилъ тамъ свой будущій домъ [1]). По словамъ его адъютанта и свойственника графа Рошешуара [2]), планъ дома былъ составленъ искуснымъ архитекторомъ въ Одессѣ, въ греческомъ стилѣ [3]). Постройка шла очень медленно, да и трудно было ее ускорить въ пустынномъ краѣ, тѣмъ болѣе, что и личныя средства Ришелье были очень малы. Бороздинъ также нѣсколько лѣтъ строилъ свой домъ въ Кучукъ-Ламбатѣ и, вѣроятно, не по недостатку средствъ. Слѣдить за постройкой въ Гурзуфѣ въ 1809 году пріѣзжалъ Рошешуаръ, а въ 1810 былъ самъ Ришелье и прожилъ тамъ осенью довольно долго. Въ слѣдующемъ году домъ считался совершенно оконченнымъ, какъ утверждаетъ Рошешуаръ, такъ что осенью 1811 года въ немъ справляли новоселье, при совершенно особыхъ обстоятельствахъ [4]).

Въ 1811 году врачи послали Марію Антоновну Нарышкину на лѣто въ Одессу, для пользованія морскими купаньями ея маленькой дочери Софьи. Ни для кого не были тайной ея отношенія къ Александру I,—и потому за ней всячески ухаживали въ Одессѣ всѣ, начиная съ самого Ришелье, тѣмъ болѣе, что это была очень молодая и красивая женщина. Она пріѣхала въ маѣ съ большою свитой, а въ началѣ сентября, для завершенія лѣченія дочери и еще больше для увеселенія ихъ обѣихъ, ей устроили поѣздку въ Крымъ, очень заботившую и безпокоившую Александра I, по причинѣ непзбѣжности верховой ѣзды въ горахъ. Ришелье уѣхалъ изъ Одессы впередъ, желая самъ вездѣ и все заготовить. По его побужденію, конечно, Севастополь и Балаклава встрѣчали посѣтительницу почти съ царскими почестями, устраивая празднества

---

1) C. de Rochechouart, op. c., 90, 103, 109.

2) Ришелье былъ женатъ на его двоюродной сестрѣ, хотя и весьма неудачно; оставилъ ему почти все свое, очень не большое состояніе, пріобрѣтенное въ послѣдніе годы во Франціи; все бывшее въ Россіи, еще меньшее, оставлено было Стемпковскому.

3) C. de Rochechouart, op. c., 115.

4) C. de Rochechouart, op. c., 127, 142, 149. Герцогъ Ришелье, — Сборн. Имп. Русск. Истор. Общества, т. 54, стр. 319, 323, 325.

и торжества, морскія и сухопутныя. Вдоль Южнаго берега, отъ Балаклавы, имъ пришлось ѣхать верхомъ, для чего были выставлены восемьдесятъ верховыхъ и пятьдесятъ вьючныхъ лошадей. Всѣ остановились въ Гурзуфѣ у гостепріимнаго хозяина, гдѣ и пробыли пять дней [1]). Конечно, новый домъ и малой ихъ части не могъ вмѣстить, и надо думать, что большинство сопутствующихъ помѣстились въ деревнѣ или въ палаткахъ, но все же это пока показываетъ, что домъ дѣйствительно былъ въ достаточной степени готовъ для пріема. Это если не первый, то во всякомъ случаѣ послѣдній разъ, что Ришелье былъ у себя на дачѣ; позже даже говорили, что онъ ею никогда не пользовался. Послѣ этой увеселительной поѣздки насталъ тяжкій 1812 годъ и усиленныя работы по администраціи края и спасенію его отъ чумы, обнаружившейся въ Одессѣ и въ Крыму; затѣмъ послѣдовали неурожай и жестокая зима. Усиленныя заботы по принятію мѣръ отъ всѣхъ этихъ бѣдъ не дали Ришелье какой-либо возможности посѣтить свой домъ, а потомъ наступилъ и его отъѣздъ за границу, осенью 1814 года. Человѣкъ онъ былъ щедрый, очень добрый, любезный и гостепріимный, а такъ какъ его Гурзуфскій домъ оказывался на всемъ Южномъ берегу единственнымъ въ европейскомъ смыслѣ, то довольно естественно было, что, не живя тамъ самъ, онъ его предоставилъ какъ бы для общаго пользованія: въ немъ останавливались всѣ проѣзжіе, тогда очень рѣдкіе, такъ что домъ сталъ чѣмъ то въ родѣ заѣзжаго. Нѣкоторыхъ посѣтителей назову дальше, а здѣсь замѣчу, что этотъ обычай неизбѣжнаго гостепріимства, усвоенный надолго потомъ и Воронцовымъ [2]), да и вообще крупными владѣльцами, сдѣлалъ то, что по всему Южному берегу все и вездѣ, въ то время и долго послѣ, было для всѣхъ открыто и свободно посѣщаемо, не исключая и Императорскихъ имѣній. Имъ же вполнѣ объясняется, по-

1) C. de Rochechouart, Souvenirs, 147, 149.

2) Корфъ, Пребываніе въ Крыму — «Сынъ Отеч.» 1834, № 4,254: «Юрзуфъ... здѣсь всякій путешественникъ найдетъ все нужное для отдохновенія и удобства жизни, — и все это безденежно».

чему Раевскіе остановились въ этомъ домѣ владѣльца, для чего не было нужды въ какомъ-либо особомъ разрѣшеніи хозяина, даннымъ разъ на всегда и для всѣхъ, по крайней мѣрѣ, — лицъ высшаго круга общества. Этотъ домъ и возможность въ немъ поселиться былъ указанъ Раевскому, конечно, Бороздинымъ, у котораго хотя тоже и давно уже начали строить домъ неподалеку, въ Кучукъ-Ламбатѣ, но никакъ не могли его кончить [1]).

О томъ, каковъ былъ домъ Ришелье въ Гурзуфѣ, мы можемъ судить вполнѣ удовлетворительно по нѣсколькимъ старинымъ описаніямъ и рисункамъ. Прежде всѣхъ адъютантъ Ришелье къ описанію закладки дома прибавилъ, что онъ удивлялъ Татаръ, показался имъ великолѣпнымъ дворцомъ, подобнымъ дворцамъ ихъ бывшихъ хановъ; конечно, это восхваленіе довольно сомнительнаго достоинства [2]). Что-либо опредѣленно говорящею, первою по времени, является коротенькая замѣтка Броневскаго, брата посѣщеннаго Пушкинымъ въ Ѳеодосіи Владиміра Богдановича,— морскаго офицера, ѣздившаго въ 1815 годъ [3]). Онъ говоритъ: «Остановились мы у большого о двухъ этажахъ дома съ бельведеромъ, принадлежащаго Дюку де Ришелье. Хотя домъ не совсѣмъ еще отстроенъ, но вблизи низкихъ хижинъ кажется огромнымъ и великолѣпнымъ замкомъ. Главнымъ фасадомъ обращенъ онъ къ горамъ; съ другой стороны видно море. Мнѣ показалось сначала, что лучше бы главный фасадъ обратить къ морю; но, взошедши на балконъ и взглянувъ на окрестности, я согласился, что хозяинъ правъ». Знающимъ домъ въ Гурзуфѣ въ настоящее время это описаніе можетъ показаться не совсѣмъ вразумительнымъ, но дальнѣйшее выяснитъ, въ чемъ тутъ разница. Удивительно и въ этой замѣткѣ повтореніе того же сомнительнаго

---

1) Броневскій (Обозрѣніе Южнаго берега Тавриды, Тула. 1822, стр. 87) въ Кучукъ-Ламбатѣ видѣлъ домъ строющимся въ 1815, но Муравьевъ-Апостолъ (Путешествіе по Тавридѣ, стр. 142) еще и въ 1820 г. называетъ его неустроеннымъ.

2) C. de Rochechouart, Souvenirs, 114.

3) Броневскій, Обозрѣніе Южнаго берега, стр. 82.

пріема похвалы, что и Рошешуара — сравненіе дома съ татарскими хатами.

Въ слѣдующемъ, 1816 году проѣзжалъ по Южному берегу Великій Князь Николай Павловичъ и, разумѣется, останавливался въ этомъ же домѣ, за неимѣніемъ чего-либо иного. Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, въ 1837 году, Императоръ Николай I вспоминалъ, чѣмъ были эти мѣста при его первомъ посѣщеніи: «Тогда на Южномъ берегу былъ всего одинъ домъ, и тотъ въ развалинахъ, недостроенный, принадлежавшій дюку Ришелье, и одна избушка генерала Бороздина»[1]). Государю не было надобности умалчивать о чемъ-либо или прикрашивать истину.

Четырьмя годами позже тамъ жили Раевскіе, а черезъ мѣсяцъ послѣ нихъ былъ Муравьевъ-Апостолъ, давшій длинное, очень точное и тоже не восторженное описаніе: «Увидѣли передъ собой замокъ въ какомъ то необыкновенномъ вкусѣ: это домъ Дюка Ришелье, которому и деревня принадлежитъ. Товарищи поѣхали далѣе, а мы здѣсь остались ночевать».

«Замокъ этотъ доказываетъ, что хозяину не слѣдуетъ строить заочно, а можетъ быть и то, что самый отмѣнно хорошій человѣкъ можетъ имѣть отмѣнно дурной вкусъ въ архитектурѣ. Огромное зданіе состоитъ изъ крылецъ, переходовъ съ навѣсомъ вокругъ дома, а внутри изъ одной галлереи, занимающей все строеніе, исключая четырехъ небольшихъ комнатъ, по двѣ на каждомъ концѣ, въ которыхъ столько оконъ и дверей, что нѣтъ мѣста, гдѣ кровать поставить. Въ этомъ состоитъ все помѣщеніе, кромѣ большого кабинета надъ галлереею, подъ чердакомъ, въ который надобно съ трудомъ пролѣзть по узкой лѣстницѣ. Водившій меня дворникъ Татаринъ, не довольствуясь показаннымъ мнѣ, потащилъ меня еще и на чердакъ, на бельведеръ, для того

---

1) С. Юрьевичъ, Дорожныя письма — «Русск. Арх.» 1887, № 6, 185; Путешествіе В. К. Николая Павловича въ 1816—17 годахъ — «Русск. Арх.», № 6, 189; онъ былъ въ Гурзуфѣ около 1-го іюля.

только, чтобы не забыть ни одного уголка въ домѣ страстно имъ любимаго господина»[1]).

Есть и еще показаніе, хотя данное позже Раевскихъ, но годное и для ихъ времени, такъ какъ гурзуфскій домъ былъ все еще тѣмъ же. Англичанинъ Джонсъ (G. M. Jones), капитанъ королевскаго флота, посѣтивъ Гурзуфъ въ апрѣлѣ 1823 года, т. е., когда онъ только что былъ купленъ Воронцовымъ, ранѣе какихъ-либо передѣлокъ, описываетъ его такъ, какъ будто бы хозяинъ все еще Ришелье: «Онъ построилъ домъ, желая тамъ жить постоянно, и съ истиннымъ великодушіемъ приказалъ держать его открытымъ для помѣщенія всѣхъ путешественниковъ; и мы предполагали провести тамъ ночь, но нашли домъ столь сырымъ и лишеннымъ удобствъ, что предпочли помѣститься въ смиренной, но теплой татарской хатѣ, гдѣ были ласково приняты»[2]). Понятно, что Воронцову пришлось, вслѣдъ за тѣмъ, перестраивать такой домъ.

Наконецъ, есть свидѣтельство,—правда писанное еще позже и большимъ выдумщикомъ, Дюбуа, — но онъ разсказываетъ о прошломъ и, можно думать, о слышанномъ отъ очевидцевъ временъ Ришелье; вотъ его слова: «Домъ, построенный герцогомъ, былъ настоящій воздушный дворецъ, ибо весь состоялъ изъ лѣстницъ и галлерей, кромѣ двухъ или трехъ маленькихъ комнатъ, выдѣленныхъ въ серединѣ зданія. Видно, что владѣлецъ искалъ только воздуха и видовъ[3]).

Всѣ эти описанія даютъ надлежащее понятіе о качествахъ дома, весьма не высокихъ во всѣхъ отношеніяхъ; самъ же домъ изъ нихъ представляется не достаточно наглядно, но для поясненія разсказовъ имѣются нѣсколько рисунковъ тѣхъ временъ, вполнѣ вразумительныхъ.

---

1) Муравьевъ-Апостолъ, Путешествіе по Тавридѣ, С.-Пб. 1823, 153—154.
2) G. M. Jones, Travels in Russia etc., London. 1827, II, 236, 279.
3) Dubois-de-Montpéreux, Voyage autour du Caucase etc., VI, 36.

Одесская Городская Библіотека, наполняемая разными рѣдкостями ея попечителемъ и великимъ жертвователемъ, графомъ М. М. Толстымъ, получила отъ него въ даръ картину, заглазно купленную на аукціонѣ въ Бордо, какъ изображающую домъ Ришелье въ Одессѣ. По полученіи картины оказалось, что на ней дѣйствительно представленъ домъ Ришелье,—но не Одесскій, а Гурзуфскій, съ его столь извѣстнымъ видомъ на деревню и Аю-дагъ. Картина писана масляными красками, довольно старательно, посредственнымъ мастеромъ; на ея оборотѣ имѣется, на листкѣ приклеенной бумаги, надпись, чернилами, по-французски: «Домъ г. герцога Ришелье въ Одессѣ. Картина, присланная герцогомъ г-жѣ де Рошешуаръ. Картина найдена въ замкѣ де Вэръ, у г. барона де Бони, родственника г-жи де Рошешуаръ. Г. де Бони охотно уступилъ мнѣ эту историческую картину, показывающую созданіе Одессы»[1]). Надпись сдѣлана, конечно, владѣльцемъ картины, но неизвѣстно, кѣмъ именно, а по своему смыслу кажется подробной и правдивой. Картину писали, когда домъ былъ совершенно готовъ, т. е. не ранѣе 1812 года, но и не позже 1814, осенью котораго Ришелье уѣхалъ изъ Россіи. Г-жа де Рошешуаръ — его теща, герцогиня, которой онъ писалъ любезныя письма изъ Одессы и послалъ оттуда же картину, изображающую его дачу и видъ изъ нея. Только эта дама упоминается съ этимъ именемъ въ перечисленіи семейства Ришелье, въ концѣ 1814 года, его бывшимъ адъютантомъ[2]). Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что и послѣ картины, при жизни Ришелье, домъ въ Гурзуфѣ не подвергался никакимъ передѣлкамъ, а слѣдовательно эта картина, снимокъ съ которой прилагается, есть точное изображеніе дома, въ которомъ жилъ Пушкинъ съ Раевскими, и видъ изъ него.

---

1) Мѣра картины 27 × 21 сантиметровъ; въ Одесской Библіотекѣ она находится въ залѣ имени графа М. М. Толстого, подъ № 11. Подлинная надпись такова: Maison de M^r le Duc Richelieu à Odessa. Tableau envoyé par le Duc à Madame de Rochechouart. Tableau trouvé au château de Vayres chez M^r le Baron de Bony parent de Madame de Rochechouart. Mr de Bony a bien voulu me céder ce tableau historique montrant la création d'Odessa.

2) C. de Rochechouart, Souvenirs, 367.

Рис. 3.

Этотъ рисунокъ вполнѣ уясняетъ вышеприведенныя слова Броневскаго: оказывается, что дорога къ дому и входъ въ него были тогда съ теперешней задней стороны дома, которую поэтому Броневскій и называетъ главнымъ фасадомъ. Это же дѣлаетъ понятнымъ, почему и картина рисована съ этой стороны: вмѣстѣ съ подъѣздомъ къ дому хотѣли на ней изобразить и видъ изъ него на деревню и на Аю-дагъ. Этимъ однимъ рисункомъ все еще домъ не вполнѣ выясняется: слѣдуетъ представить его видъ и съ другой стороны отъ моря, что̀ тоже сохранилось на старыхъ рисункахъ.

Общій видъ дома и Гурзуфа, во-первыхъ, находимъ у Кастельно, гдѣ все это рисовано не позже 1817 года. Вотъ снимокъ съ его рисунка (въ настоящую величину, рис. № 4).

На первомъ планѣ слѣва видѣнъ домъ Ришелье, имѣющій лишь отдаленное подобіе съ дѣйствительнымъ, даже и по напра-

Рис. 4.

вленію въ отношеніи деревни и моря, но общій его смыслъ все тотъ же [1]).

Въ числѣ разныхъ заботъ Воронцова о Крымѣ было стремленіе познакомить общество съ его видами; поэтому онъ вызывалъ туда художниковъ (Мауреръ, Вольфъ, Чернецовы, Бассоли, Гроссъ), убѣждая издателей литографировать ихъ рисунки. Вслѣдствіе такого старанія было выпущено очень много отдѣльныхъ листовъ съ видами Южнаго берега. Всѣ они имѣли слабый успѣхъ, расходились плохо и исчезали съ большою быстротой, неизвѣстно куда [2]). Уже и въ 1848 году нѣкій профессоръ Л. жаловался на то, что не только купить, но и увидѣть эти рисунки

1) M-quis de Castelnau, Essai sur l'histoire de la Nouvelle Russie, Paris. 1820, III, 227.

2) Я зналъ книгопродавца, вынужденнаго значительную часть изданія, очень большого (въ пятьдесятъ листовъ) альбома сороковыхъ годовъ пустить на обертку книгъ, разсылаемыхъ по почтѣ. Теперь этотъ альбомъ извѣстенъ всего въ двухъ-трехъ экземплярахъ.

трудно, кромѣ библіотеки самого графа Воронцова, гдѣ они собраны всѣ [1]). Теперь всѣ они стали совершенной рѣдкостью — и даже въ библіотекѣ Воронцова ихъ мало. Впервые, насколько я знаю, были литографированы листы въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ; всѣ они затѣмъ были собраны въ одинъ альбомъ, къ которому въ Одессѣ литографировали обложку [2]) въ 1836 году, но самые листы сдѣланы гораздо раньше,— думаю, не позже конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ; это видно изъ того, что о нѣкоторыхъ изъ этихъ рисунковъ упоминаетъ уже Бруннеръ въ 1831 году [3]). Этотъ альбомъ, полный, едва ли не въ единственномъ экземплярѣ, имѣется въ моей библіотекѣ; отдѣльные изъ него листы, иногда, попадались за границей. Одинъ изъ его рисунковъ представляю уменьшеннымъ вдвое (рис. 5).

Рис. 5.

1) Профессоръ Л., Желанія на пользу Тавриды — «Москвитянинъ» 1848 г., № 5, 72.

2) Collection de 16 vues de la Crimée, dessinées d'après nature et lithographiées par ordre de Son Excellence M. le Comte Woronzow, Odessa. 1836.

3) S. Brunner, Ausflug über Constantinopel nach Taurien im Sommer 1831, St. Gallen. 1833, S. 215.

Подъ нимъ подпись: Maison du Comte Woronzow à Joursouf. Côte meridionale de la Crimée. Изображенъ именно купленный у Ришелье домъ, со стороны моря.

Не менѣе рѣдкій листъ, съ изображеніемъ той же стороны Гурзуфскаго дома, былъ литографированъ въ началѣ 1840-хъ годовъ, по рисунку Н. Чернецова, сдѣланному въ 1835-6 году[1]); онъ также представляется уменьшеннымъ, въ два раза слишкомъ (рис. 6).

Рис. 6.

Послѣдніе два рисунка хотя дѣланы позже пребыванія Пушкина, но въ ихъ время внѣшность дома съ этой стороны еще не была измѣнена.

Указанныя выше описанія и приведенные рисунки даютъ полную возможность представить себѣ, чѣмъ былъ домъ во времена Раевскихъ, и что съ той поры сохранилось до сихъ поръ.

---

1) Рисунковъ Чернецова было литографировано много въ Одессѣ, Петербургѣ и Парижѣ; изъ нихъ мнѣ извѣстно всего 26, а было издано больше. Одесскія литографіи — безъ подписи художника, но всѣ съ гербомъ города.

Для пониманія послѣдняго всего лучше сравненіе, а потому дается видъ дома въ настоящее время, съ задней стороны,— встарь фасадной, для сравненія его съ картиной Ришелье (рис. 7).

Рис. 7.

Очень хотѣлось дать этотъ видъ дома именно съ той точки, съ которой онъ снятъ на картинѣ Ришелье, но это оказалось совершенно невозможнымъ: до такой степени заросъ домъ вокругъ большими деревьями; однако, собственно стѣны дома сзади и сбоку понятны, чего и достаточно для сравненія, изъ котораго съ ясностью выступаетъ весьма крупная разница: теперь домъ двухъэтажный и въ нижнемъ этажѣ, по задней, встарь фасадной и боковымъ сторонамъ много оконъ, въ верхній же этажъ не только нѣтъ входа изъ сада, но и дверь по срединѣ дома, съ окнами по сторонамъ, заложена. Очевидно, что при Ришелье только со стороны сада домъ имѣлъ видъ какъ бы двухъэтажнаго,

по сбоковъ и сзади онъ былъ врытъ въ землю и потому въ него свободно входили съ дороги, развѣ что было двѣ-три ступеньки. Отсюда слѣдуетъ, что теперешній нижній этажъ былъ просто подваломъ, совершенно безъ оконъ, и не могъ служить для жилья; его задняя и боковыя стѣны почти цѣликомъ были въ землѣ. Такое положеніе вещей подтверждается рисункомъ Кастельно (№ 4) и подробнымъ и точнымъ описаніемъ Муравьева-Апостола, который насчиталъ во всемъ домѣ только четыре жилыхъ комнаты въ одномъ этажѣ и сверхъ того комнату подъ крышей, на чердакѣ (столь любимая Французами мансарда), а ему показали рѣшительно все,— на чемъ онъ и настаиваетъ. Сравненіе стараго дома съ теперешнимъ, кромѣ указаннаго существеннаго отличія въ этажахъ, показываетъ, что галлерея была не только съ одной садовой стороны, но заворачивала и на боковыя стороны дома. Бельведеръ надъ крышей, о которомъ говоритъ Муравьевъ, показанъ на первыхъ рисункахъ Ришелье и Кастельно (№ 3 и 4), а помѣщенія подъ крышей, съ большими окнами въ видѣ слуховыхъ, показаны на всѣхъ рисункахъ и особенно хорошо на № 6, Чернецова.

По рисункамъ, описаніямъ и техническимъ соображеніямъ существующихъ стѣнъ не трудно возстановить планъ дома, какъ онъ былъ въ 1820 году:

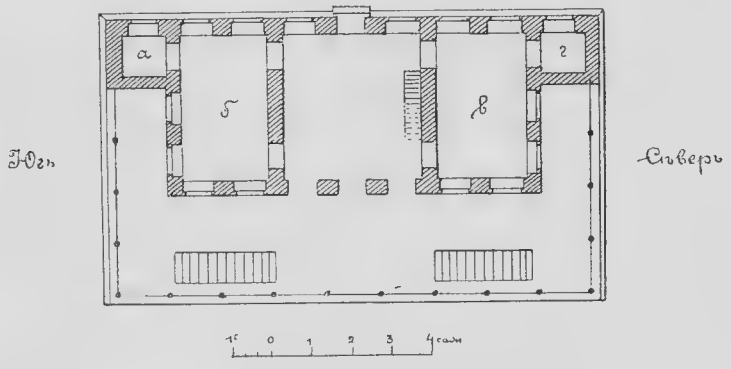

Рис. 8.

Глядя на такой планъ дома, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Муравьева-Апостола объ отмѣнно дурномъ вкусѣ хозяина въ архитектурѣ, подразумѣвая домашнее удобство. Если прибавить, что въ домѣ не было печей, да и строенъ онъ плохо,— къ тому же съ отсутствіемъ самыхъ необходимыхъ частей,— то не будетъ удивителенъ и англичанинъ, предпочитающій этому барскому дому простую татарскую хату.

Понятно, что графъ Воронцовъ, заглазно купившій такой домъ, увидѣвъ его, долженъ былъ заняться исправленіями и расширеніемъ, такъ какъ помѣститься въ четырехъ маленькихъ комнатахъ не только его многочисленнымъ гостямъ, но и ему самому было невозможно [1]). О томъ, что онъ перестраивалъ домъ, говорятъ и соображенія и показанія близкихъ къ нему лицъ [2]), но въ чемъ состояли перестройки, можно сказать лишь въ общихъ чертахъ. Судя по тому, что въ слѣдующемъ, 1824 году тамъ былъ большой съѣздъ гостей, можно полагать, что именно къ этому времени отъ боковыхъ и задней сторонъ дома была отрыта земля, а въ бывшемъ цоколѣ, съ частью фундамента, пробиты окна, и весь подвалъ обращенъ въ жилой этажъ; техническій слѣдъ такой работы, во всякомъ случаѣ сдѣланной послѣ Пушкина, видѣнъ и до сихъ поръ въ томъ, что стѣны нижняго этажа дома строены уклономъ внаружу, а это понятно для стѣнъ въ землѣ, но ничѣмъ не вызывалось въ стѣнѣ дома, если это былъ открытый этажъ; передняя садовая его стѣна, бывшая и оставшаяся открытой, не имѣла такого уклона, а сзади и сбоковъ онъ видѣнъ не только теперь (рис. 7), но его можно примѣтить и на картинѣ Ришелье (рис. 3). Кромѣ того, Воронцовъ,

---

1) Не всѣ его гости помѣщались въ самомъ домѣ: часть ихъ довольствовалась татарскими хатами въ деревнѣ (В. Туманскій, Стихотворенія и письма, стр. 255). Да и помѣщавшіеся въ домѣ тѣснились и спали на соломѣ (Olizar. Pamiętniki, 171).

2) И. П. Свиньинъ, Знакомства и встрѣчи на Южномъ берегу Тавриды — «Отеч. Зап.» 1825 г., № 66, 125.; С. Сафоновъ, Описаніе пребыванія Императорской Фамиліи въ Крыму въ 1837 г., Одесса. 1840, стр. 35.

конечно, улучшалъ домъ и внутри, но это не имѣетъ значенія для настоящаго вопроса; развѣ еще можно замѣтить, что галлереи сбоковъ были задѣланы между колоннъ и присоединены къ комнатамъ, а бельведеръ на крышѣ уничтоженъ, что видно на рис. 5.

Не смотря на всѣ передѣлки, Воронцову не нравился Гурзуфъ; онъ мелкими участками скупалъ Алупку, получилъ отъ графини Браницкой, своей тещи, въ даръ Марсанду и на нихъ обратилъ все свое строительное рвеніе. Гурзуфъ же приходилъ въ запущеніе и разореніе. Одинъ изъ путешественниковъ, швейцарецъ-врачъ Бруннеръ, ѣздившій въ Крыму въ 1831 году, очень хорошо это представилъ: «Д-ръ Рашевскій, врачъ Воронцова на Южномъ берегу, живущій въ Гурзуфѣ, въ покинутомъ дворцѣ своего Мецената, пригласилъ насъ осмотрѣть этотъ, какъ бы умышленно запущенный домъ, принадлежавшій ранѣе губернатору Ришелье... и Англійскій садъ, въ западномъ концѣ котораго стоитъ домъ съ просторной галлереей... Домъ въ имѣніи Воронцова, къ сожалѣнію, очень запущенъ и вообще плохой первоначальной постройки: такъ, напр., на сѣверной сторонѣ балки у стѣнъ замѣтно вышли изъ гнѣздъ, а вслѣдствіе сырости эта часть дома почти необитаема»[1]). Нѣсколько позже, въ 1833 году, въ такомъ же смыслѣ удивительной нелюбви Воронцова къ Гурзуфу говоритъ и Дюбуа[2]). Вскорѣ послѣ имѣніе это было куплено И. И. Фундуклеемъ, и тутъ же домъ, по свидѣтельству тѣхъ временъ, былъ вновь перестроенъ и, повидимому,— значительно, съ богатой отдѣлкой, хотя и нельзя указать точно, въ чемъ именно; въ 1837 г. хозяинъ принималъ въ немъ всю Императорскую фамилію[3]). Крыша съ ея большими слуховыми окнами и бывшимъ подъ нею помѣщеніемъ, однако, сохранилась долго, что можно примѣтить

---

1) Brunner, назв. соч., 215.

2) Dubois de Montpéreux, назв. соч., VI, 37.

3) (А + В) К., Очеркъ Южнаго берега Крыма — «Одесскій альманахъ на 1839 годъ», стр. 274; С. Сафоновъ, Описаніе пребыванія Имп. Фамиліи въ Крыму, Одесса. 1840, стр. 35; С. Юрьевичъ, Дорожныя письма — «Русскій Архивъ» 1887, № 6, стр. 188.

на рис. 6 и даже на рисункѣ Гурзуфа, сдѣланномъ передъ самою Крымской войной[1]).

Вскорѣ домъ сталъ вовсе плохъ въ самыхъ существенныхъ своихъ частяхъ, и въ 1861 г. И. И. Фундуклей его капитально перестроилъ, сдѣлавъ новую крышу и уничтоживъ бывшую мансарду-кабинетъ[2]). Деревянныя колонны галлереи (что онѣ были деревянныя, ясно видно по подлинной картинѣ, рис. 3), были замѣнены модными тогда чугунными, на подобіе сдѣланныхъ въ Алупкѣ, во дворцѣ. Видъ дома со стороны сада сталъ такимъ:[3])

Рис. 9.

Въ такомъ видѣ домъ сохранялся очень долго, лѣтъ до сорока, пока его галлерею не застеклили между колоннами, для предпо-

1) De Villeneuve. Album de la Tauride. Paris. 1853, VI, 37.

2) Щепетовъ, Гурзуфъ, Одесса. 1890, стр. 19.

3) Видъ дома съ этой стороны былъ очень распространенъ въ разныхъ фотографіяхъ, но надобно замѣтить, что данный по картинѣ Кондратенки (Пушкинъ, ред. Венгерова, II, 95), подписанный: «Домъ Ришелье, впослѣдствіи Губонина», есть фантазія художника; таковымъ домъ не былъ ни въ какую пору.

лагавшагося тамъ въ 1895 году пребыванія Великаго Князя Георгія Александровича, что измѣнило его видъ и снаружи, а внутри, по мелочамъ, его нѣсколько разъ передѣлывали по своему вкусу новые хозяева.

Послѣ всяческихъ передѣлокъ въ настоящее время планы этажей дома таковы:

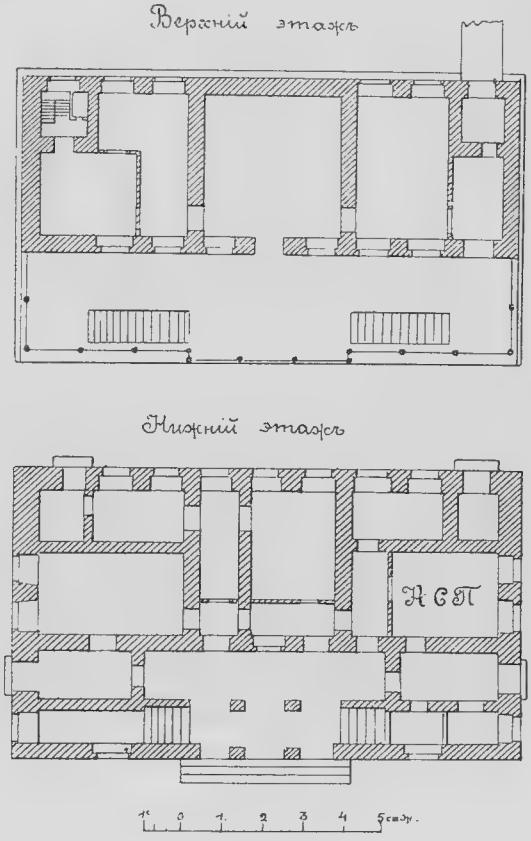

Рис. 10.

Чтобы пополнить представленіе о домѣ стараго времени, прилагаю еще видъ съ его галлереи въ 1831 г.; почти подобнымъ любовался и Пушкинъ (рис. 11)[1]).

1) Brunner, Ausflug über Constantinopel nach Taurien, St.-Gallen. 1833, S. 271.

Рис. 11.

Мнѣ кажется, что нѣкоторый интересъ представятъ даже и портреты всѣхъ владѣльцевъ Гурзуфа,— до послѣднихъ временъ окончательнаго обращенія барскаго помѣстья въ общественный курортъ.

Рис. 12.

Портретъ герцога Арм. Эм. Ришелье въ русскомъ генеральскомъ мундирѣ, съ вѣнской гравюры Мансфельда, около 1810 года, рис. Альтана.

Рис. 13.

Портретъ графа М. С. Воронцова, съ гравюры Дау, около 1820 года.

Рис. 14.

Портретъ Ивана Ивановича Фундуклея съ Вѣнской литографіи 1841 года, по рис. Кригубера.

Рис. 15.

Портретъ Петра Іоновича Губонина, съ фотографіи, около 1890 года.

Прошлое Гурзуфскаго дома и настоящее, близкое къ намъ представлены въ достаточной подробности, такъ что можно задаться и основнымъ вопросомъ, гдѣ въ этомъ домѣ помѣщался Пушкинъ? Яко бы его комнату показываютъ въ нижнемъ этажѣ рис. 10, подъ буквами А. С. П., но изъ всего сказаннаго выше понятно, что эта выдумка не только новѣйшая, но и невозможная, такъ какъ нижняго жилого этажа не было въ домѣ во время Пушкина вовсе. Даже и въ подвалѣ дома не было пространства, подобнаго этой комнатѣ, такъ какъ поперекъ ея проходила стѣна, поддерживавшая стѣну верхней комнаты (b, на рис. 8), которую выломали послѣ Пушкина. Всѣхъ участниковъ поѣздки Раевскихъ собралось въ Гурзуфѣ восемь женщинъ и трое мужчинъ, кромѣ прислуги; гдѣ и какъ они могли размѣститься въ четырехъ маленькихъ комнатахъ (рис. 8 а, б, в и г.), трудно себѣ вообразить,— особенно такихъ, гдѣ и кроватей негдѣ было поставить. Впрочемъ, слѣдуетъ вспомнить, что въ то далекое время представленія о житейскихъ удобствахъ были много проще нынѣш-

нихъ,—даже на самыхъ верхнихъ общественныхъ ступеняхъ. Существеннѣйшія удобства, прикровенность жизни каждаго, хотя бы въ самомъ тѣсномъ, но своемъ углѣ, безъ чего теперь и бѣдные люди почитаютъ невозможнымъ жить, тогда не составляли необходимости и съ жизнью по походному, даже на долгое время, мирились безъ затрудненій, особенно лѣтомъ. Но въ то же время нѣкоторая жеманная скромность соблюдалась безъ сравненія строже, чѣмъ теперь, и не даромъ Е. Н. Раевская не допускала мысли о томъ, что она могла давать въ Гурзуфѣ уроки англійскаго языка Пушкину, такъ какъ это было совершенно недопустимо въ ту пору,— по свѣтскимъ правиламъ отношеній между молодыми людьми. Отсюда позволительно заключить, что Пушкину не могло быть мѣста въ томъ же тѣсномъ и единственномъ этажѣ дома, гдѣ помѣщались всѣ женщины и барышни семьи Раевскихъ; для него, а съ нимъ, вѣроятно, и Н. Н. Раевскому младшему оставался только кабинетъ-мансарда на верху, подъ крышей. Некрасовъ въ «Русскихъ женщинахъ», отъ имени княгини М. Н. Волконской, настоятельно увѣряетъ: «Поэтъ на верху пріютился» или: «Окончивъ занятія, спускался онъ внизъ и съ нами дѣлился досугомъ». Даже и для рифмы не было надобности Некрасову посылать поэта на верхъ, да и какъ онъ могъ выдумать нѣчто такое, что не имѣло смысла въ извѣстномъ ему состояніи въ его время Гурзуфскаго дома, но совершенно точно соотвѣтствовало первичному расположенію помѣщеній, неизвѣстному Некрасову. Надо думать, что откуда-нибудь дошло до него чье-либо воспоминаніе (едва-ли отъ Маріи Николаевны, ничего подобнаго не говорящей въ своихъ Запискахъ), а всяческая вѣроятность говоритъ за совершенную точность этого воспоминанія и его воспроизведенія Некрасовымъ[1]). Слова Некрасова показываютъ также, что въ его время въ Гурзуфѣ еще не была извѣстна выдумка о комнатѣ нижняго этажа, въ которой будто бы жилъ Пушкинъ. Комната-мансарда, въ которой дѣйствительно помѣ-

1) Здѣсь Некрасовъ не подлежитъ упреку въ ошибкѣ (Брюсовъ, Пушкинъ въ Крыму, изд. Венгерова, II, 97).

щался Пушкинъ, существовала до 1861 года, послѣ котораго она исчезла вслѣдствіе совершенной перестройки дома и его крыши [1]).

Возможность существованія въ Гурзуфѣ *любимаго кипариса Пушкина* опредѣляется единственнымъ, несомнѣннымъ указаніемъ самого поэта, но гдѣ расло и растетъ-ли и до сихъ поръ это дерево? Здѣсь сдѣлаю маленькое отступленіе.

Кипарисъ — особенно замѣтное дерево, обращающее на себя вниманіе всякаго пріѣзжаго сѣверянина своею мрачною стройностью, узкимъ и плотнымъ ростомъ, темною, густою зеленью; особаго впечатлѣнія отъ этого дерева не избѣгнулъ и Пушкинъ. Теперь этими деревьями, можно сказать, переполненъ Южный берегъ Крыма, гдѣ они растутъ очень сильно, скоро и хорошо, при отсутствіи какого-либо ухода; размножаются они также съ величайшей простотой и легкостью, часто даже самосѣвомъ. Тѣмъ удивительнѣе въ такихъ условіяхъ, что это дерево, съ незапамятныхъ временъ распространенное съ своей родины (Гератъ, Кабулъ, Индъ), какъ священное, во всю переднюю Азію и бассейнъ Средиземнаго моря, даже въ близко-сосѣднія съ Крымомъ страны прибрежій Понта и Византіи (Константинополя), было вовсе неизвѣстно въ Крыму до его занятія Русскими. Здѣсь ранѣе не существовало ни единаго экземпляра этого долговѣчнаго, почти неистребимаго дерева. Это доказывается неимѣніемъ деревьевъ болѣе старыхъ, чѣмъ русскія времена; отсутствіемъ указанія этого дерева у Габлица, давшаго впервые подробные списки культурныхъ и дикихъ деревьевъ Крыма [2]), или у С. С. Боброва, старательно

---

1) П. И. Бартеневъ указывалъ, что въ домѣ нашлась старинная библіотека, изъ которой Пушкинъ добылъ и сталъ перечитывать Вольтера (Пушкинъ въ Южной Россіи — «Русск. Арх.» 1866, 1115 и 1139). Очень сомнѣваюсь, чтобы въ этомъ не конченномъ и полузаброшенномъ домѣ могло бы находиться нѣчто заслуживающее названія библіотеки, хотя бы въ простѣйшемъ пониманіи этого слова. Что-либо бывшее въ такомъ родѣ находилось, конечно, на верху, въ кабинетѣ-мансардѣ, почему и найдено было Пушкинымъ.

2) Габлицъ, Физическое описаніе Таврической области, С.-Пб. 1785, стр. 80—86 и 95—141.

вписывавшаго въ свои вирши имена всяческихъ растеній Таврида[1]); наконецъ, прямыми разсказами о времени посадки первыхъ деревьевъ этой породы. Послѣ Габлица, лѣтъ черезъ десять, Палласъ уже упоминаетъ о нѣсколькихъ кипарисахъ,— но въ одной Алупкѣ, привезенныхъ, по его словамъ, изъ Константинополя[2]); онъ не говоритъ, кто и когда привозилъ и сажалъ. Затѣмъ кипарисы упомянуты,— и даже два молодыхъ деревца показаны на рисункѣ,— Сумароковымъ, все въ той же Алупкѣ, въ началѣ XIX вѣка; нигдѣ болѣе онъ ихъ не указываетъ, да и въ Алупкѣ это тѣ самыя два дерева, что и понынѣ растутъ передъ дворцомъ[3]). Онъ же въ общемъ смыслѣ, но ошибочно прибавилъ, что Потемкинъ выписывалъ для той же Алупки разныя растенія, а это дало поводъ нѣсколько позже, въ 1815 году, Броневскому писать, что ему сказывали, будто эти самые кипарисы посажены Потемкинымъ[4]); вскорѣ послѣ, въ путеводителѣ Монтандона, то же самое утверждается, какъ точное[5]), тѣмъ болѣе, что въ альбомѣ съ 16 видами, тогда же изданномъ владѣльцемъ Алупки, эти кипарисы изображены съ совершенно утвердительной надписью: «Cyprés plantés par le Prince Potemkin à Aloupka»[6]). Въ 1837 году хозяинъ Алупки говорилъ о томъ же своимъ высокопоставленнымъ гостямъ — всей Императорской Фамиліи[7]). Современемъ это извѣстіе расширилось и стало непреложнымъ,— поэтому нынѣ всѣ твердо вѣрятъ, что кипарисы были посажены въ Алупкѣ и даже не однимъ Потемкинымъ, но и Императрицей Екатериною II: такъ ихъ и называютъ. Это легковѣріе всего болѣе основано на совершенномъ отсутствіи заботливости о вѣрномъ пониманіи прошлаго.

---

1) С. Бобровъ, Таврида, Николаевъ. 1798; Его-же Херсонида, С.-Пб. 1804.

2) P. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südl. Staathaltersch. in den Jahren 1793 — 4. Leipzig, 1801, II, 156.

3) Сумароковъ, Путешествіе по всему Крыму въ 1799 г., Москва. 1800. 103; Его-же, Досуги Крымскаго судьи, С.-Пб. 1805, II, 199, рис. 24.

4) Броневскій, Обозрѣніе Южнаго берега, 60.

5) Montandon, Guide du voyageur en Crimée, Odessa. 1836, 136.

6) Collection de 16 vues de la Crimée, Odessa. 1836.

7) С. Юрьевичъ, Дорожныя письма — «Русск. Арх.» 1887 г., № 6, 305.

По поводу многочисленныхъ подобныхъ извращеній самыхъ недавнихъ событій не разъ приходилось думать, сколько надобно у насъ времени, чтобы любую выдумку обратить въ непреложную истину? Оказывалось поразительно мало: менѣе одного поколѣнія, и нигдѣ, быть можетъ, такъ рѣзко не выступаетъ мѣткость опредѣленія великаго поэта, говорившаго, что «мы лѣнивы и не любопытны» Въ настоящемъ мелочномъ вопросѣ, вызывая тѣни Потемкина и Екатерины, никто не пожелалъ вспомнить, что не только Императрица Екатерина, но даже и Потемкинъ никогда не были на Южномъ берегу Крыма, а «Великолѣпный князь Тавриды», какъ говорено выше, вовсе его не зналъ. Да, наконецъ, если бы онъ вздумалъ сажать тамъ деревья или разводить какія-либо растенія, то, конечно, сдѣлалъ бы это не въ маленькомъ татарскомъ садикѣ и не ограничился бы двумя кипарисами. Дѣло стояло совсѣмъ иначе, и у насъ есть подробный о томъ разсказъ Кодираки. Онъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, очень много писалъ о Крымѣ, а также издалъ исправленныя Записки своихъ дѣда и отца, въ которыхъ его дѣдъ говоритъ о посадкѣ имъ этихъ самыхъ кипарисовъ въ Алупкѣ. Надо замѣтить, что Кондараки не останавливался передъ любой выдумкой, и его семейныя записки переполнены самыми невѣроятными измышленіями, явно прибавленными имъ самимъ, но въ настоящемъ случаѣ есть достаточное основаніе вѣрить тому, что имъ разсказано отъ имени дѣда: какъ тотъ поселился въ Алупкѣ, а на другой годъ съѣздилъ въ Трапезунтъ и вывезъ оттуда три дерева тонкокожаго миндаля, два отростка фигъ и пять кипарисовъ, посадивъ ихъ подлѣ своего домика въ Алупкѣ; этотъ домъ съ садомъ впослѣдствіи проданъ былъ графу Воронцову [1]). Такой разсказъ подтверждается и иными обстоятельствами. Во-первыхъ, на вышеуказанномъ рисункѣ Сумарокова домикъ, подлѣ котораго видны два молодень-

1) Кондараки, Въ память столѣтія Крыма, Москва. 1883, гл. IX (Первые годы нашего владычества въ Крыму), стр. 145—146, 156, 187—188. По смыслу всего, это было около 1786 года.

кихъ кипариса,— не татарской постройки, а европейской, тогда Татарамъ незнакомой; во-вторыхъ, въ числѣ документовъ на земельныя владѣнія Алупки есть купчая 1825 года на пріобрѣтеніе отъ Софіи Васильевны Кондараки того самаго участка земли, на которомъ растутъ эти кипарисы; всѣмъ этимъ въ точности подтверждается разсказъ Кондараки, да и всѣ его подробности своеобразны и правдивы.

Вотъ эти самые кипарисы, по возрасту, могутъ считаться родоначальниками всѣхъ нынѣ растущихъ въ Крыму. Во всякомъ случаѣ, во времена Ришелье эти деревья были очень рѣдки, и на первомъ рисункѣ дома Ришелье (№ 3) ихъ еще нигдѣ не видно; надо думать, что къ нему въ садъ они попали позже времени картины, съ которой сдѣланъ этотъ рисунокъ,— всего вѣроятнѣе, черезъ посредство имъ же заведеннаго Никитскаго казеннаго Сада[1]). Не многимъ позже Пушкина, еще на памяти его времени у живущихъ въ Гурзуфѣ,— въ 1850 году, его описывалъ очень знающій Крымскія дѣла Домбровскій: «Кипарисы здѣсь превосходны; въ особенности одинъ экземпляръ, едва ли не современникъ перваго пріобрѣтателя дачи дюка де-Ришелье, по необыкновенному росту можно назвать первымъ на Южномъ берегу»[2]). Изъ этихъ словъ видно, что уже и тогда не только не знали, который кипарисъ Пушкина, но даже сомнѣвались, чтобы сохранилось какое-либо дерево его временъ. Это сомнѣніе, однако, напрасно, и о существованіи кипарисовъ въ Гурзуфѣ свидѣтельствуетъ самъ Пушкинъ и то же утверждаютъ старые рисунки. На первомъ рисункѣ послѣ Пушкина, № 5, отчетливо показаны три

---

1) Никитскій Садъ основанъ и первыя въ немъ садовыя работы начаты ровно сто лѣтъ тому назадъ (А. Скальковскій, Исторія Новороссійскаго края, Одесса. 1838, II, стр. 177). Уже въ 1815 году Садъ могъ отпускать молодые кипарисы и, конечно, прежде всего посадилъ ихъ на дачѣ своего основателя, не забывавшаго его и въ Парижѣ, оттуда посылалъ онъ черенки растеній для Никиты (Письмо въ Одессу отъ февраля 1816 года — «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. 54, стр. 467).

2) Домбровскій, Обозрѣніе Южнаго берега Крыма — «Новороссійскій Календарь», Одесса. 1850, стр. 20.

дерева кипарисовъ у самаго входа въ домъ: одинъ справа и два слѣва (не надо ихъ смѣшивать съ пирамидальными тополями); несомнѣнно они же и на слѣдующемъ по времени рисункѣ, № 6, а на близкомъ къ намъ по времени, № 9, на тѣхъ же трехъ мѣстахъ мы видимъ уже огромныя деревья. Судя по мѣрѣ дома, на рисункѣ 5 (конца 1820-хъ годовъ), эти молодыя еще деревья были 7—8 аршинъ вышины, т. е. въ возрастѣ около пятнадцати лѣтъ,— стало быть, мы основательно можемъ утверждать, что именно они и были тѣми деревцами, одно изъ которыхъ попало въ любимцы къ Пушкину; оно расло «въ двухъ шагахъ отъ дома», по словамъ поэта, именно такъ, какъ и эти деревья. Теперь Пушкинскій кипарисъ показываютъ шагахъ въ пятидесяти отъ дома; конечно, слова Пушкина о двухъ шагахъ можно понимать и не съ математическою точностью, но все же разница слишкомъ велика. На рис. 5, гдѣ показаны три кипариса, растущихъ у дома, вовсе нѣтъ нынѣ признаваемаго за Пушкинскій, а по смыслу мѣстности, изображенной на рисункѣ, онъ долженъ бы быть видѣнъ нѣсколько выше и правѣе воротъ. Наконецъ, есть и еще соображеніе, говорящее противъ нынѣ дѣлаемаго пріурочиванія. Кипарисовъ двѣ породы, съ переходами отъ одной къ другой: одна узкая, пирамидальная, растетъ медленнѣе; другая, развѣсистая, растетъ быстрѣе; средній изъ трехъ кипарисовъ на рисункахъ близокъ къ послѣдней, а остальные пирамидальные[1]). Окружность этихъ деревьевъ внизу въ настоящее время: средняго—1,76 метровъ, а боковыхъ пирамидальныхъ—1,45 и 1,36 метровъ; окружность же выдаваемаго за Пушкинскій всего 1,23 метра. Въ 1870 году окружность одного изъ пирамидальныхъ близъ дома была въ 1,10 метра[2]). Первымъ тремъ теперь почти точно по сто лѣтъ; послѣдній долженъ быть моложе лѣтъ на пятнадцать-двадцать. Наибольшій изъ старѣйшихъ кипарисовъ Алупки имѣетъ 1,87 метровъ въ окружности.

---

1) Въ ряду этихъ старыхъ деревьевъ, сравнительно недавно, подсажены еще 2 — 3 кипариса; они значительно меньше и легко отличимы отъ старыхъ.

2) Remy, Die Krim, Odessa. 1872, 167.

Все приведенное даетъ право утверждать, что выдаваемый за Пушкинскій кипарисъ посаженъ значительно позже времени поэта, но три кипариса у самаго дома — несомнѣнные его современники; одинъ изъ нихъ и былъ его любимцемъ; разумѣется, нѣтъ никакой возможности точно опредѣлить, который именно, но всего вѣроятнѣе, что таковымъ былъ крайній лѣвый, если смотрѣть на домъ со стороны сада; говорю это потому, что, сидя подъ этимъ деревомъ, кругозоръ былъ болѣе обширенъ, и море, столь любимое поэтомъ, ничѣмъ не закрывалось, а сидящій не находился на самомъ проходѣ въ домъ и, значитъ, ни онъ никому не мѣшалъ, ни его не стѣсняли проходящіе. Теперь это дерево оплетено вѣтками большой глицинiи, что во время ея цвѣта очень красиво, но кипарисъ можетъ погибнуть отъ такого совмѣстительства, и глицинію слѣдовало бы вырѣзать.

Передъ домомъ владѣльца въ Гурзуфѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ него, растетъ большой, развѣсистый платанъ (единственный въ этой части сада); подъ нимъ издавна любятъ отдыхать посѣтители, а путеводители увѣряютъ, что то же дѣлалъ и Пушкинъ. Очень неудачная выдумка. На рисункахъ 5, 6 и 11 это дерево должно бы быть видно и быть большимъ, такъ какъ во время этихъ рисунковъ ему было бы около двадцати лѣтъ, а платаны растутъ очень быстро; но подобнаго дерева на нихъ не видно. Впрочемъ, эти нѣсколько условныя соображенія излишни, такъ какъ имѣется точное показаніе, когда и кѣмъ именно посажено то дерево, о которомъ идетъ рѣчь. Тотъ же Домбровскій въ 1850 году писалъ о Гурзуфѣ: «Передъ балкономъ помѣщичьяго дома вамъ укажутъ на величественный чинаръ (т. е. платанъ), лѣтъ двѣнадцать тому назадъ (т. е. около 1838 года) посаженный собственными руками хозяина дачи (т. е. И. И. Фундуклеемъ); онъ имѣетъ болѣе 70 футовъ въ высоту»[1]). Это показаніе — вполнѣ точное и ясное, не оставляющее мѣста сомнѣніямъ. Высоту пла-

1) Домбровскій, Обзоръ Южнаго берега Крыма — «Новороссійскій Календарь», Одесса. 1850, стр. 20.

тана, опредѣляя ее на глазъ, Домбровскій, конечно, преувеличилъ, такъ какъ и теперь, черезъ шестьдесятъ лѣтъ послѣ его, она достигаетъ только 78 футовъ, по точному измѣренію. Окружность этого дерева теперь 2,84 метра; въ 1870 г. она было 1,60 метровъ[1]). Этотъ обмѣръ подтверждаетъ точность свѣдѣнія Домбровскаго. На Южномъ берегу есть платаны временъ Ришелье и Пушкина — въ Никитскомъ Саду; ихъ окружность до 4,10 м., т. е. безъ сравненія больше, чѣмъ въ Гурзуфѣ[2]). Фотографію Гурзуфскаго платана представляю; она снята ранею весной, когда деревья еще безъ листьевъ; тутъ же, слѣва, — часть кипариса Пушкинскихъ временъ.

Рис. 16.

1) Remy, Die Krim, Odessa. 1872, 167.

2) И этой породы деревьевъ не было въ Крыму до русскихъ временъ; указываемыя въ Никитѣ — самыя старыя: имъ близко ста лѣтъ; они введены въ культуру Никитскимъ Садомъ.

Не слѣдуетъ удивляться тому, что въ Гурзуфѣ забыли, кто сажалъ какое дерево: это обычное явленіе на Южномъ берегу, гдѣ въ Алупкѣ, и даже въ Императорской Оріандѣ, забыты деревья, посаженныя Императрицей Александрой Ѳеодоровной, Наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ (впослѣдствіи Имп. Александръ II), княгиней Е. К. Воронцовой, маршаломъ Мармономъ и другими.

Для лучшаго уясненія нынѣшняго состоянія Пушкинскаго дома и тѣхъ деревьевъ, о которыхъ только что говорилось, представляю видъ дома сбоку, со стороны моря, снятый въ настоящее время (рис. 17).

Рис. 17.

На немъ примѣтны оба этажа дома, застекленная галлерея и деревья вокругъ. Три среднихъ кипариса — временъ Пушкина, а справа, на краю вида, нѣсколько вѣтвей платана, приписываемаго тому же времени. Сравнивъ со старыми видами (рис. 3, 5 и 6),

видно, какъ много измѣнилась мѣстность вокругъ дома устройствомъ террасныхъ стѣнокъ и отрывкой земли.

Скала Пушкина — самоновѣйшее прозваніе той скалы въ Гурзуфѣ, на которой еще примѣтны остатки древней крѣпости [1]); не могу сообразить, въ чемъ тутъ можетъ быть какая бы то ни было связь съ памятью Пушкина. Конечно, эта скала составляетъ наиболѣе примѣтную особенность Гурзуфа; на нее обыкновенно всѣ лазятъ, — что дѣлается очень скоро никакой трудности не представляетъ; возможно, что туда взбирался и Пушкинъ, о чемъ, однако, никакихъ свѣдѣній нѣтъ и не было. Иного отношенія Пушкина къ этой скалѣ не могу придумать. На старинныхъ рисункахъ (№ 2, 3, 4, 5, 6 и 11) эта скала изображена въ серединѣ, достаточно удовлетворительно, такъ что можно и не давать ея особаго рисунка.

Пещера Пушкина — тоже совершенно новое прозваніе, также не находящее себѣ никакого основанія въ старинѣ [2]). Находится она довольно далеко отъ Гурзуфа, въ сосѣднемъ имѣніи Соукъ-су, и попасть въ нее можно только на лодкѣ, съ моря. Рыбачьи лодки всегда бывали: возможна, слѣдовательно, поѣздка туда и Пушкина; однако, о томъ не только нѣтъ какихъ-либо извѣстій, но и самое предположеніе мало вѣроятно. Вотъ видъ изъ нея (рис. 18).

---

1) В. Брюсовъ, Пушкинъ въ Крыму, изд. Венгерова, II, 99, рис. Едва-ли не здѣсь впервые посвящена эта скала памяти Пушкина.

2) В. Брюсовъ, Пушкинъ въ Крыму, изд. Венгерова, II, 100, рис. И это посвященіе вижу здѣсь впервые. На приложенной тамъ фототипіи, надъ входомъ въ пещеру, на скалѣ, виднѣется развалина башни; для будущаго не лишне замѣтить, что это грубая поддѣлка подъ древность, сдѣланная покойнымъ владѣльцемъ Соукъ-су, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ; того и гляди — и она попадетъ въ археологическія разысканія съ комментаріями гуляющихъ туристовъ...

Рис. 18.

Эта пещера стала извѣстной сравнительно поздно: о ней свѣдѣнія въ литературѣ,— разумѣется, безъ малѣйшаго намека на Пушкина,— появляются не скоро, а у старыхъ путешественниковъ ничего не говорится. Нѣкая П. И—ъ первая разсказываетъ, въ 1837 году, о поѣздкѣ туда, какъ о чемъ то неизвѣстномъ; скоро вслѣдъ за тѣмъ появилось и еще нѣсколько упоминаній [1]). Не

---

1) П. И—ъ, Прогулки по Крыму — «Библ. для Чтенія» 1837 г., т. 24, стр. 73—74; (А + В) К, Очерки Южнаго берега — «Одесскій Альманахъ» 1839, стр. 274; Домбровскій, Обозрѣніе Южнаго берега — «Новороссійскій Календарь» 1850, стр. 19.

думаю, чтобы она была извѣстна и посѣщаема во время Пушкина. Самъ онъ о своей жизни въ Гурзуфѣ поэтически говорилъ:

Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь;

а много позже — и уже съ прозаическою точностью — писалъ: «Въ Юрзуфѣ жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ». Эти слова надобно понимать въ буквальномъ смыслѣ, потому что и дальше, говоря о подробностяхъ, онъ вспомнилъ лишь кипарисъ, а упоминая о своихъ равнодушіи и безпечности неаполитанскаго Lazzaroni, замѣчаетъ: «Вотъ все, что пребываніе въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти». Послѣ такихъ признаній, столь жизненныхъ и понятныхъ, ни о какихъ разысканіяхъ или поѣздкахъ, дѣланныхъ Пушкинымъ куда бы то ни было изъ Гурзуфа, не должно быть и рѣчи. Къ упоминаемой здѣсь пещерѣ относили отрывки стиховъ («Пріютъ любви» и «У моря подъ скалой»), въ которыхъ говорится о какой-то пещерѣ[1]). Мнѣ кажется такое пріуроченіе невѣроятнымъ: пещера въ Соукъ-су далека отъ людныхъ мѣстъ, попасть въ нее можно только въ лодкѣ, которую нельзя отпустить, потому что въ пещерѣ — ни стать, ни сѣсть; это только навѣсъ скалъ надъ глубокой водой. При такихъ условіяхъ едва ли возможно назвать ее «пріютомъ любви». Писаны эти отрывки стихотвореній въ 1824 году и относятся къ скаламъ Одесскихъ береговъ, гдѣ, съ нѣкоторой поэтической прикрасой, найдутся описываемые въ отрывкахъ уголки на берегу моря, болѣе доступные влюбленнымъ.

Ко всѣмъ этимъ предметамъ, посвященнымъ памяти Пушкина, можно прибавить и еще одинъ,— съ бо́льшимъ правомъ уже и потому, что на него указано самимъ поэтомъ. Недавно изданъ превосходный портретъ, на которомъ Пушкинъ изобразилъ са-

1) Бѣлоусовъ, Дорогія мѣста, Москва. 1909, стр. 52.

мого себя опирающимся на стѣнку деревенскаго фонтана въ Гурзуфѣ[1]). Здѣсь всегда фонтанъ былъ одинъ, на томъ же мѣстѣ (рис. 19).

Рис. 19.

---

1) Соч. Пушкина, ред. Венгерова, II, 103. Тутъ же, на стр. 93, данъ снимокъ вида Гурзуфа съ рѣдкой литографіи Чернецова, изъ того же ряда, что и здѣсь рис. 6. На этой литографіи фонтанъ не виденъ: онъ справа подъ татарскими хатами перваго плана. Слѣдуетъ замѣтить, что и эта литографія, и парная ей (стр. 89) не 1820-хъ годовъ, какъ подъ ними написано: онѣ рисованы въ 1835—6 годахъ, а печатаны позже 1840 г. Позволю себѣ указать и еще поправку къ подписямъ подъ рисунками этого же тома; подъ стр. 280-й помѣщенъ рисунокъ, подъ которымъ значится: «Генуэзская башня у входа въ Одесскій портъ»; должно быть не «у входа», а просто «въ портѣ», и не въ Одесскомъ, а въ Ѳеодосійскомъ.

На этомъ фонтанѣ есть надпись, съ разными благочестивыми изреченіями и именами его устроителей. Оказывается, что онъ былъ сдѣланъ въ 1758 году Абдулъ-Рахманомъ, сыномъ Эль-хаджъ Али-аги и Мустафой-эфенди, сыномъ Абдулъ-Рахманъ-заде; исправленъ въ 1837 году моллою Дервишемъ, сыномъ Усейнъ-эфенди. Общій его видъ не точно похожъ на рисованный Пушкинымъ, что, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ упрощенія рисунка Пушкина, не показавшаго, напр., никакой надписи на фонтанѣ, а таковая была безъ сомнѣнія: это всегда дѣлается на всѣхъ фонтанахъ Востока, и если бы ея не было, то она не могла бы быть повторена при исправленіи фонтана. Возможно, что въ это время въ фонтанѣ были сдѣланы небольшія измѣненія. Во всякомъ случаѣ, вблизи этого фонтана, думая о немъ, набрасывалъ Пушкинъ свой портретъ.

Итакъ, *память о Пушкинѣ въ Гурзуфѣ нигдѣ и ни въ чемъ не сохранилась*, какъ и слѣдовало ожидать; ее можно пріурочить только къ кипарису, но и то руководствуясь лишь словами самого поэта, а не на основѣ мѣстной памяти. Пожалуй, еще и деревенскій фонтанъ имѣетъ нѣкоторую связь съ памятью о Пушкинѣ, а прочее указываемое въ этомъ смыслѣ занесено почитателями поэта извнѣ, безъ самомалѣйшаго основанія. Здѣсь полный просторъ нашему воображенію, но не исторической правдѣ.

Можетъ быть такое заключеніе этихъ изысканій покажется досаднымъ; сознаюсь, что во мнѣ родилось то же чувство, но надобны ли мелочные, вещественные знаки памяти о томъ, кто говорилъ:

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа,

и по чьему слову такъ и сталось.

А. Бертье-Делагардъ.

Мартъ 1912 года.
Г. Ялта.